

ДЕНИС ПОЖИДАЕВ

НЕЗАНЯТОЕ МЕСТО

18+

Денис Пожидаев

Незанятое место

<https://litres.ru/74634988>

SelfPub; 2026

Аннотация

В институте Тархена учат двигать предметы силой мысли и разговаривать с теми, кого уже нет рядом. Восемнадцатилетний Кай Вейн умеет только чинить приборы — по крайней мере, так говорят результаты проверки.

Попасть в закрытую программу — его главная мечта. Здесь за толстыми дверями скрывается жизнь, к которой он всегда хотел принадлежать. Но чем ближе Кай к этому кругу, тем труднее понять, кому можно доверять. И почему рядом с ним невозможное ведёт себя не так, как должно.

Содержание

Пролог. Шесть сорок	4
Часть первая. Право на вход	11
Глава 1. Подпись под переводом	11
Глава 2. Место без задачи	22
Глава 3. Неправильный прибор	33
Глава 4. Сторона допуска	46
Глава 5. То, чем здесь занимаются	59
Часть вторая. Возможный разговор	70
Глава 6. Шесть окон	70
Глава 7. Не только за работу	83
Глава 8. Чужой зачёт	97
Глава 9. Разговор, который он прервал	109
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Денис Пожидаев

Незанятое место

Пролог. Шесть сорок

В дверь постучали так, как стучат люди, которым не нужно разрешение.

Кай открыл глаза и сначала услышал Адама: тот, не просыпаясь, сказал в подушку что-то про лампу. Стук повторился — три удара, ровных, без раздражения. За окном висела серая муть, в которой ещё не различались ни река, ни крыши мастерских. Башенные часы вот-вот должны были отбить три четверти.

— Вейн? Кай Вейн?

За дверью стоял Брант. Кай видел начальника смотрителей дважды: на сентябрьском инструктаже и у служебной проходной, где тот спорил с поставщиком о накладной так, словно от накладной зависела чья-то жизнь. На нём была та же тёмная куртка, мокрая на плечах. Дежурная лампа в коридоре делала его лицо плоским, вырезанным из картона.

— Одевайтесь. Теплее. Вчера вы работали с кассетой к Атри?

— Да. — Голос ещё не проснулся. — Фиксация. Джей двадцать восемь. А что...

— Что именно вы делали?

— Перекос крепления. Проверил механику и ноль. Закрыл в начале шестого, Тенн подписал. — Тут он сообразил, что стоит в трусах и носках перед человеком, который пришёл не за подписью. — Что случилось?

Брант оглядел его — не лицо, а всего целиком, как осматривают прибор: нет ли трещины на корпусе.

— Комплекта нет на месте. Лодки нет на месте. И трёх студенток. Морозова, Линт, Ларен. — Он дал фамилиям дойти. — Вы держали кассету в руках. Под какую опору её готовили?

Кай не ответил сразу. Потом, перебирая это утро, он дольше всего помнил именно это молчание.

Кассету он помнил лучше, чем собственное утро. Чёрный корпус, латунные направляющие, полустёртая гравировка на боковой щеке, которую он вчера принял за заводской номер. Фиксатор под углом, какого не бывает на лабораторных стендах: не девяносто и не сорок пять, а неудобные шестьдесят два с хвостом. Он ещё подумал тогда, что кто-то в прошлом веке очень не любил прямые углы.

— Это не под стенд. На щеке было «Ив-четыре». Я думал, номер партии. А угол... такой бывает у старых опор, которые ставили под купол. — Он услышал собственные слова и понял, где это. Все в институте знали, хотя бы понаслышке. — Обсерватория. На Иве.

Брант кивнул — получил то, чего ждал, и это его не об-

радовало.

— Две минуты. Причал.

* * *

Кай одевался, не попадая в рукава. Адам сел на кровати и смотрел на него круглыми со сна глазами.

— Ты куда? Шесть утра.

— Без двадцати семь.

— Это одно и то же. — Адам потёр лицо. — Кай. Что такое?

— Не знаю. — Он затянул шнурок слишком туго, развязал, затянул снова. — Агния, Мира и Вивиана. Их нет.

Он вышел раньше, чем Адам успел спросить, что значит «нет».

На лестнице пахло мокрым бетоном и чьим-то вчерашним чаем. Внизу, у поста, дежурный стоял у окна и смотрел в туман, держа телефон экраном к себе, словно тот мог что-то разглядеть. Кай прошёл мимо доски с расписанием осенних зачётов, толкнул дверь, и холод сразу забрался под куртку.

Туман лёг на остров плотно, как вата на ёлочную игрушку. Фонари вдоль хозяйственной дорожки висели в нём жёлтыми пятнами и ничего не освещали. Кай пошёл быстро, потом побежал — мимо ограды, мимо лодочного сарая. Площадка на крыше сарая была пуста, прибор зачехлён, всё так, как он оставил вчера в половине одиннадцатого. Он поймал себя на том, что смотрит на чехол, как на свидетеля.

У причала уже работали моторы. Две служебные лодки,

серые, с оранжевыми полосами по бортам, качались у мостков. Брант стоял на краю и говорил в рацию короткими словами. На корме первой лодки сидела женщина в синей куртке медицинской службы — доктор Дорн; Кай узнал её по манере держать сумку на коленях обеими руками, будто сумка могла сбежать. Рядом Тенн укладывал жёсткий кейс с подерживающим комплектом и, не оборачиваясь, сказал:

— Перчатки в кармане слева. Возьми.

Перчатки были Тенна, на два размера больше.

— Вейн, вторая лодка, — сказал Брант. — Сядьте и не вставайте.

Водитель второй лодки, немолодой, с лицом, привыкшим к ветру, подвинулся на банке. Кай сел. Лодка качнулась, нос ушёл в туман, и берег за спиной перестал существовать.

* * *

Против течения моторы шли тяжело, с низким усилием, и река упиралась в днище, как живая. Туман лежал над водой слоями; в разрывах проступал чёрный глянec течения, потом береговые ивы, похожие на клочья мокрой шерсти. Брант сидел напротив и смотрел вперёд. Кай смотрел на свои руки в чужих перчатках.

Думал он не о том, о чём следовало. Не о кассете и не о старой опоре. Он думал о библиотеке: второй этаж, стол у бокового окна, где сегодня после второй пары он должен был сидеть. Агния сказала это вчера вечером, на ходу, у входа в общежитие, натягивая капюшон: «Завтра после второй па-

ры. В библиотеке. Я принесу её». И ушла, не дожидаясь ответа, потому что ответ знала.

Он ещё подумал тогда, что она торопится. Что у неё мокрые волосы. Что «её» — это шкатулка, и что он не будет её ломать.

— Сколько ещё? — спросил он.

— Минут семь, — ответил водитель. — Если не сядем на мель у косы.

— Не сядем, — сказал Брант, не оборачиваясь.

Кай попробовал вспомнить, какой вчера в лаборатории была Вивиана, когда принимала комплект. Усталая. Шутила. «Спасибо, Вейн, ты мне сегодня день спас». Миру он видел в обед в столовой: она ела суп из кружки, потому что кончились чистые тарелки, и смеялась над этим громче всех. Агнию — вечером: капюшон, мокрые волосы, «я принесу её».

Ничего в этих картинках не обещало утренних моторов. Он перебирал их, как перебирают детали на верстаке, ища сломанную, и не находил.

Туман впереди загустел, потом разом расступился, и Кай увидел остров.

Ив выходил из реки низкой тёмной спиной, заросшей кустарником. На холме стояло круглое здание с обрушенным куполом: каменный барабан, рёбра свода, торчащие в небо, как пальцы. Нижний двор залило водой. Она стояла между старыми плитами ровно и неподвижно, и в ней отражались рёбра купола, так что обсерватория уходила в реку на ту же

высоту, на какую поднималась над ней.

У южной площадки, привязанная к ржавому кольцу, качалась институтская гребная лодка. Пустая.

— Вот она, — сказал водитель. Вслух первым это произнёс не зритель, а он, и Кай почему-то запомнил именно это.

Моторы сбросили обороты. Дорн передала сумку Тенну, шагнула на мокрые плиты так, будто делала это каждое утро, и пошла вверх, не оглядываясь. Тенн с кейсом — за ней. Брант задержался на секунду.

— За мной. На шаг сзади. Ничего не трогаете, пока я не скажу.

Ступени лестницы были выщерблены и покрыты зелёной слизью. Кай поскользнулся на третьей и ухватился за стену. Камень оказался неожиданно сухим: выше воды здесь всё было сухим. Он поднимался и слушал. Сначала только собственное дыхание и шаги. Потом сверху, из проёма, донёсся звук, от которого у него свело спину.

Негромкое ровное жужжание. И через каждые несколько секунд — короткий двойной щелчок контрольного реле.

Он знал этот звук. Вчера он слушал его полтора часа, выставляя ноль, пока не начал различать в нём, как в чужом дыхании, лёгкую заминку на вдохе. Вентилятор А-три. Прибор работал.

Наверху кто-то плакал — тихо, устало, не надеясь, что услышат.

А под этим плачем, ровно и без перебоев, щёлкал прибор, на котором стояло его имя.

Часть первая. Право на вход

Глава 1. Подпись под переводом

Десятое сентября. Визир уходил на полделения в час, и никто не знал почему.

Больше Каю ничего не сказали: поставили прибор на верстак и включили таймер. Шестьдесят минут. Остальное — сам. Ящик с инструментом, ящик с крепежом, лупа на штативе, журнал проверок с пустой графой «Заключение». Длинный зал мастерских пах маслом, нагретым металлом и мокрыми куртками у двери. За высокими окнами сеял сентябрьский дождь, и вода на стёклах вздрагивала всякий раз, когда за стеной включался компрессор.

Визир был старый, из речной службы института: латунная труба на поворотном столе, лимб с делениями, уровень в стеклянной ампуле, где пузырь лежал смирно, как кот. По таким когда-то сверяли отметки на опорах мостов. Теперь его держали для учебных задач — и, видимо, для проверок вроде этой, когда надо посмотреть, что человек делает руками, пока думает.

Больше получаса Кай делал то, что сделал бы любой: проверил ось, люфт поворотного стола, натяг винтов. Всё было в порядке. Пузырь не бегал. Визир стоял как вкопанный — и

всё-таки за час уходил. В журнале это было записано шесть раз разными почерками.

На тридцать пятой минуте он перестал смотреть на прибор и стал смотреть на стол, на котором прибор стоял.

Основание стояло на четырёх опорных винтах, а к пластине его прижимали две пружинные скобы. Кто-то давно заметил родную трёхточечную опору этой плоской пластиной — аккуратно, заводскими винтами, с контргайками. Пластина была ровная. Почти. Кай положил на неё линейку, поймал свет и увидел под одним краем щель не толще волоса. Четыре точки на чуть кривой поверхности. Такой стол не стоит, он выбирает: сейчас опирается на эти три винта, через полчаса — на те. Хватит маленького толчка.

Какого?

Он поднял голову. Над дверью висели обычные электрические часы. До четверти оставалось две минуты.

Кай навёл прибор на марку на дальней стене, записал отсчёт и стал ждать, держа ладонь у основания, но не касаясь. Две минуты тянулись долго. За спиной кто-то из комиссии листал бумаги; Тенн, старший мастер, у соседнего верстака что-то сказал вполголоса и усмехнулся. Потом сквозь дождь и стену ударили часы на башне — четверть, четыре медленных удара. Под ладонью едва заметно дрогнул верстак.

В окуляре перекрестие стояло на марке. Чуть левее. На ту ничтожную долю, которую обычный человек списал бы на усталость глаз.

— Часы, — сказал он вслух, не оборачиваясь. — Башня. Он съезжает, когда бьёт башня.

— Допустим, — сказал Тенн. — И?

Решение было простое, и поэтому Кай на секунду усомнился, что ему позволят его применить. Можно было снять пластину и отфрезеровать — ушёл бы день. Можно было затянуть скобы сильнее и заставить основание лечь насильно, пока не надоест. А можно было перестать требовать от четырёх точек того, что умеют только три.

Он вывернул два опорных винта: тот, что стоял над щелью, и соседний по длинной стороне. Достал из своего кармана — не из институтского ящика — стальной шарик от старого подшипника. Такие он таскал с собой с тех пор, как у отца в мастерской кончились нормальные шарики и пришлось выковыривать их из чего попало. Положил шарик в коническое гнездо родной опоры — оно так и осталось в основании, между пустыми отверстиями, — и опустил прибор. Теперь визир стоял на двух винтах и шарике — на треугольнике, которому выбирать было не из чего; больше ничем основание пластины не касалось. Скобы он вернул на место и затянул ровно настолько, чтобы прижать, а не выгнуть.

Он снова навёл на марку. Пять раз повернул стол и вернул обратно. Ноль возвращался, как привязанный.

Кай выпрямился, и его понесло — так нога проваливается, когда лестница кончилась на ступень раньше, чем думал. — Всё. Теперь он держит.

— Что держит? — спросил Тенн.

Он подошёл и встал рядом — широкий, в сером рабочем жилете, рукава закатаны до локтя, на правом предплечье старый белый след ожога. Посмотрел не на Кая и не на прибор, а в журнал.

— Ноль. Ноль держит.

— Сколько ты его смотрел после правки?

— Двенадцать минут.

— Сколько раз за это время была башня?

Кай открыл рот. Закрыл.

— Ни разу.

— Значит, — спокойно сказал Тенн, — ты убрал причину, которую нашёл, и проверил, что прибор возвращается в ноль на пяти поворотах. Хорошая работа. Но что он сделает в половину — ты не знаешь. И при плюс четырёх на улице ты его не видел. Так что он держит?

У Кая загорелись уши, и он разозлился — на уши, не на Тенна. Несправедливо же: он нашёл и сделал за сорок минут то, чего шесть человек до него не нашли за полгода. Визир стоит.

Он посмотрел на графу «Заключение» и вдруг увидел её иначе: не место для похвалы, а место, где он сейчас либо скажет правду, либо соврёт красивее.

— Я проверил, что перекося опоры устранён, — сказал он медленно. — И повторяемость нуля на пяти циклах при комнатной температуре. Удар часов после правки не проверял.

Термостабильность не проверял.

— Вот это и пиши. — И уже отходя, ни к кому в особенности: — Подписываем то, что проверили. Остальное — пожелания.

Кай писал, и почерк у него был злой. Когда до конца таймера оставалось восемь минут, ударила половина. Он смотрел в окуляр и не дышал. Перекрестие стояло на марке, точно нарисованное.

Оборачиваться и проверять, видел ли это кто-нибудь, он не стал. И так знал, что видели.

* * *

Член комиссии, которого Кай до сих пор принимал за аспиранта — светловолосый, высокий, с мелом на пальцах, хотя в мастерской не было ни одной доски, — вышел за ним в коридор.

— Сорок минут на решение и десять на спор с Оскаром Тенном о слове «держит». Мне это понравилось больше шарика. Арсений Рей. Прикладные измерения.

— Доцент Рей, — сказал Кай: он видел табличку на столе комиссии.

— Можно и так. — Рей улыбнулся одной половиной рта, вторую держа про запас. — Пойдёмте покажу, где учебная часть. Там с вами сделают самое страшное, на что способен институт.

— Отчислят?

— Посчитают академическую разницу.

Они пересекли двор. Дождь почти перестал, и над островом стояло особое тархенское небо, светлое по краям и тёмное в середине, как блюдо с чаем. Главный корпус поднимался над газоном тремя этажами старого жёлтого камня, справа торчала часовая башня — циферблат величиной с окно, медные стрелки, позеленевший шпиль. Отсюда, с острова, город казался отодвинутым: мосты, террасы на восточном берегу, крыши, дымки над пекарнями — всё за водой и чуть в стороне. Кай вырос на этих террасах. Он столько раз смотрел с них на остров, что теперь странно было стоять здесь и видеть их со спины.

Учебная часть заняла двадцать минут. Женщина в очках на цепочке выложила перед ним лист и прошлась по нему карандашом: два лабораторных блока, которых не было в его прежней технической школе, — «метрология сред» и «экспериментальная документация»; зачёт до зимней сессии; консультации по четвергам; общежитие на острове — по учебной занятости, при условии...

— При условии, что вы не курите в комнате, не храните реактивы и не паяете на подоконнике. Последнее было один раз, но мы помним.

— Я не курю.

— А паяете?

— Паяю, — признался он.

— Не на подоконнике. — И поставила печать.

Он вышел с папкой и с чувством, что его приняли туда,

где у него сразу завелись долги. Рей ждал у лестницы с телефоном и, увидев его, убрал телефон экраном вниз.

— Живы?

— Два блока.

— Немного. Справитесь. Особенно с документацией — вы её сегодня уже начали.

С галереи второго этажа был виден северный двор. За низкой каменной оградой стоял корпус, которого Кай никогда не замечал с террас: его закрывала башня. Серый, приземистый, с узкими окнами только на верхнем этаже и совсем без окон со стороны реки. Над входом ни вывески, ни номера. У двери — тамбур со стеклом и человек в форменной куртке.

Из тамбура как раз выходили три девушки. Высокая, в чёрном пальто, рассказывала что-то быстро и, видимо, смешно: вторая, рыжеватая, с виолончельным футляром за спиной, сложилась пополам от хохота. Третья шла чуть позади, с папкой для рисунков под мышкой, и не смеялась — смотрела на небо, проверяя, кончился ли дождь. Подставила ладонь, кивнула сама себе и сняла капюшон.

— Что там?

Рей посмотрел туда же.

— Специальные методы. Закрытый трек. Учатся, как везде, только расписание хуже.

— А чем занимаются?

— Тем же, чем и вы. Измеряют то, что трудно измерить.

— Он помолчал. — Вейн. Я рекомендовал вас, потому что

вы сделали хорошую работу. Это правда, и больше в той бумаге ничего нет. Не ищите там лишнего.

Кай хотел сказать, что ничего и не ищет, что ему хватает. Но три девушки пересекали двор — та, что с папкой, на ходу поправила подруге ремень футляра на плече, не прерывая своего молчания, — и он знал, что ищет. Именно туда, в серый корпус без окон, он смотрел с террас все эти годы, сам того не понимая. Там было то, чего больше нигде в городе не было: дверь, у которой стоит человек в форме, и люди, которым её открывают.

— Спасибо, — сказал он. — Что рекомендовали.

— Не за что. То есть есть за что, но вы уже заплатили шариком. Кстати, впишите его в журнал. Теперь это часть прибора.

— Он мой.

— Тогда впишите, что ваш. Тенн спросит.

* * *

Комната триста шестнадцать была на третьем этаже, в конце коридора, где линолеум протёрся до серых проплешин. Дверь не заперта. Здесь кто-то жил — основательно, давно и по собственным правилам.

Над одним столом висела магнитная доска, расчерченная на дни недели, с цветными карточками: «лаборатория», «смена», «мама», «НЕ ЗАБЫТЬ: рубашки». Под доской — стопка учебников с закладками, торчащими ровно, как зубья расчёски. На подоконнике рос кактус в банке из-под ко-

фе. На втором столе не было ничего, кроме лампы на гибкой ножке, которая мигала.

Хозяин доски сидел на кровати с ноутбуком на коленях. Длинный, нескладный, с волосами, которые явно расчёсывали только по особым поводам, в огромном свитере с оленями.

— Ты Вейн, — сказал он, не вставая. — Сказали, что тебя переведут, но не сказали когда. Я Адам. Механика, второй курс, а вот это, — кивок на доску, — моя жизнь. Синие карточки не трогай, остальные можно.

— Кай.

Он поставил сумку, потом ящик с инструментом, и Адам посмотрел на ящик, как смотрят на собаку, которую привели в дом без предупреждения.

— Это насовсем?

— Насовсем.

— Ладно. Под кровать. Там как раз место от чемодана Гриши. Гриша уехал. Не в том смысле — перевёлся в столицу.

Кай задвинул ящик под кровать. Лампа на втором столе — теперь это был его стол — мигнула. Ещё раз. Он машинально наклонился: контакт в патроне, наверное, или шарнир перетирает провод.

— Хочешь, я её...

— Нет. Не трогай. Она не сломана.

— Она мигает.

— Она так задумана. — Адам наконец поднял глаза от ноутбука. — Это лампа Гриши. Мигает, когда сидишь за ней дольше двух часов. Гриша называл это будильником для совести. Я в него не верю, но мне нравится, что в этой комнате о моей совести думает кто-то, кроме мамы.

Он был совершенно серьёзен. Лампа мигнула, словно поддакнула.

— Хорошо. Не трогаю.

Кай сел на свою кровать. Матрас продавился с тем звуком, с каким продавливаются все общежитские матрасы мира.

— Давай сразу договоримся, чтобы потом не ссориться, — сказал Адам, закрывая ноутбук. — Я ложусь поздно, читаю с этой лампой, она мигает, я терплю. Ты?

— Встаю рано.

— Насколько?

— В шесть.

Адам издал звук человека, которому наступили на ногу.

— Хорошо. Хорошо. Тогда так: верхний свет до семи не включаешь, я после двенадцати не включаю музыку. Чайник общий; опустошил — наполни. Гостей — предупреждать. Ящик не на моей половине пола. Половина — вот по этой трещине.

Трещина в линолеуме шла не посередине, а с заметным креном в сторону Адама, и Кай решил не спорить.

— Справедливо.

— И главное. — Адам поднял палец. — Пекарня у во-

сточного моста закрывается в девять. Если кто-нибудь скажет тебе, что в столовой булочки не хуже, — не верь. Это первое правило острова.

— А второе?

— Второго нет. Первого достаточно.

Кай засмеялся — впервые за день, — и Адам выдохнул с явным облегчением: весь день, видимо, боялся, что соседом окажется человек без чувства юмора.

Вечером, когда Адам ушёл в душ, а лампа на чужом-своём столе мигала, предупреждая неизвестно кого, Кай встал у окна. Из триста шестнадцатой был виден северный двор, а если прижаться виском к холодному стеклу — край Серого корпуса за башней. Там горело одно окно, на самом верху, узкое и жёлтое. Кто-то работал, пока весь остров ужинал.

Башня ударила девять. За рекой, у восточного моста, в пекарне погасили свет.

Кай достал отцовские часы, щёлкнул крышкой, сверил с башней. Отставали на полминуты, как всегда. Он подвёл их и подумал, что сейчас в тёмной мастерской на трёх точках стоит визир, и под одной из них — его шарик. Держит чужой ноль. Глупо, но от этого стало теплее.

Завтра надо вписать в журнал, что шарик его. Тенн спросит.

Окно в Сером корпусе всё горело.

Глава 2. Место без задачи

— Ты вечером занят? — спросил Адам в пятницу, переставляя на магнитной доске синюю карточку с четверга на понедельник.

— А что нужно?

Адам обернулся и посмотрел на него, как на человека, который на вопрос «как дела» ответил номером телефона.

— Ничего не нужно. Мы на кухне варим пасту. Плохо. Это традиция третьего этажа. Приходи.

— Что принести?

— Себя. И, может, соль: соль всегда кончается в самый неподходящий момент. Но это не обязательно.

Кай кивнул и ещё полчаса делал вид, что читает про метрологию сред, а сам думал, что принести. Соль у него была — маленькая банка, отцовская привычка: в мастерской соль держат всегда, ею хорошо чистить латунь. Ещё была отвёртка с переставными жалами, которой чинится всё, от плиты до дверной ручки. Он положил в карман и то и другое. Отвёртку — на всякий случай. Конфорки в общежитиях всегда барахлят.

Общая кухня оказалась длинной комнатой с двумя плитами, холодильником в чужих записках («НЕ МОЙ ЙОГУРТ — НЕ ЕШЬ!!») и окном во двор, где на подоконнике кто-то развёл целый сад зелёного лука в банках. Человек восемь,

жарко, шумно, пахло пережаренным чесноком. Двое спорили, сколько воды нужно на килограмм макарон, с серьёзностью защиты курсовой.

Кай первым делом посмотрел на плиты. Левая горела. Правая тоже — кто-то зажёл её спичкой, коробок лежал рядом. Никакой работы.

Он постоял у двери, сжимая в кармане банку. Адам махнул ему от раковины, где мыл дуршлаг: «Кай! Это Кай, он сломал визир!» — и все посмотрели.

— Починил.

— Тем более, — сказала рыжеватая девушка у плиты. Она мешала в кастрюле, засучив рукава свитера, волосы собраны так, что половина уже выбилась. Та самая, с виолончелью, со двора у Серого корпуса. — Мира. Я здесь не живу, я со второго. Пришла, потому что у Тимура кончились идеи, а у меня есть чеснок.

— Был чеснок, — сказал парень в дорогой куртке, сидевший на столе и болтавший ногами. — Теперь у нас горелый чеснок.

— Это называется карамелизация.

— Это называется пожар.

Кай выставил свою соль на стол. Никто не обратил внимания: солонка там уже стояла. Надо было чем-то занять руки, а занять было нечем.

На подоконнике, среди банок с луком, сидела третья, девушка с папкой. Сейчас без папки — с бумажной салфеткой

на колене и карандашом. Тёмные волосы небрежно заколоты на затылке, рукава слишком длинного свитера закрывают пальцы почти до ногтей. Она рисовала быстро, короткими штрихами, и время от времени взглядывала на кого-нибудь, сверяясь.

Кай поймал себя на том, что тоже сверяет — правильно ли она держит карандаш (неправильно, слишком близко к грифелю), — и тут она подняла глаза и посмотрела прямо на него.

— Ты всё время держишь руку в кармане. Что там?

— Отвёртка.

— Зачем?

— Конфорки в общежитиях всегда барахлят.

Она посмотрела на плиты, горевшие обе, потом на него. В уголках глаз у неё собрался смех — ещё не смех, а его обещание.

— Не повезло тебе. Сегодня всё работает.

— Агния, — крикнула Мира от плиты, — не смущай человека, он только пришёл!

— Я не смущаю. Я выясняю. — Агния снова склонилась над салфеткой. — Он сам пришёл на ужин с отвёрткой.

Кай вынул руку из кармана. Пустую. Отвёртка осталась там, тяжёлая и глупая.

* * *

Паста не удалась. Это стало ясно минут через двадцать, когда Мира попробовала и сказала «м-м» тем голосом, ка-

ким выражают соболезнавания. Воду не посолили — соль так и стояла на столе рядом с его банкой, — макароны слиплись в упругий ком, а соус с горелым чесноком пах горелым чесноком.

— Так, — сказал Тимур и спрыгнул со стола. — Давайте я просто закажу пиццу на всех. Пасту не спасти. Это эвтанизия.

И Кай сказал — раньше, чем подумал:

— Конечно. Если что-то не получается, всегда можно заплатить, чтобы не пришлось уметь.

Сказал легко, почти весело. Фраза вышла точная, как хорошо подогнанная деталь, и секунду он ею даже гордился.

В кухне стало тихо.

Тимур замер с телефоном в руке. Он не обиделся сразу — сначала растерялся, будто его толкнули в очереди и он ещё не понял, нарочно ли. Адам перестал вытирать дуршлаг. Брови Миры уехали под чёлку. Кто-то у окна неловко хмыкнул и смолк.

— Ну, — сказал Тимур, — я вообще-то хотел, чтобы все поели.

— Да, — сказал Кай. И больше ничего: он не знал, что говорить.

Агния смотрела на него поверх салфетки так же, как смотрела, когда рисовала.

— Это было смешно, — сказала она тихо, так, что, кажется, услышал только он. — Но не ему.

Кай почувствовал, что краснеет. Тимур хотел, чтобы все поели. А злился Кай не на Тимура.

Можно было объяснить — что у него на карте до стипендии осталось столько, что пицца на восьмерых съела бы неделю; что он с двенадцати лет готовит отцу ужин и не умеет относиться к испорченной еде как к пустяку. Объяснение было готово, длинное и правильное, и именно поэтому он его не произнёс.

— Извини, — сказал он Тимуру. — Это я не тебе. У меня сейчас нет денег на доставку, и я на это разозлился. А досталось тебе.

Тимур моргнул.

— А. Ну... я могу и так заказать, ничего страшного...

— Нет. Спасибо. Я лучше съем пасту.

— Её никто не съест, — сказала Мира. — Даже я, а я ем всё.

— Я ел хуже. — Кай заглянул в кастрюлю. Ком макарон лежал на дне, как обиженный. — У меня отец готовит. Однажды сварил гречку с машинным маслом. Перепутал бутылки.

— Ты ел гречку с машинным маслом? — оживился Адам.

— Полтарелки. Потом он попробовал и говорит: «Что-то не то». А я: «Да нет, нормально». Мне было восемь, я думал, так и надо.

Мира засмеялась первой — громко, с размаху, как роняют тяжёлое, — и за ней засмеялись остальные. Тимур тоже,

кажется, с облегчением. Кай не смеялся, но в кухне снова можно было дышать.

В итоге Тимур всё-таки заказал пиццу — «одну, маленькую, для тех, кто ещё не ел гречку с маслом», — а Мира разбила ком ложкой, вывалила на сковороду, залила яйцами и засыпала сыром. Она назвала это запеканкой, Адам — актом отчаяния. Есть было можно. Кай съел две порции, вторую посолил своей солью, и Агния, заметив банку, сказала:

— А, так вот что было в другом кармане.

Когда все расходились, она слезла с подоконника и протянула ему салфетку.

На салфетке был он. Несколько линий, но не ошибёшься: ссутулился у плиты с вилкой в руке — только вилку держал, как отвёртку, всем кулаком, большим пальцем вдоль ручки. И лицо такое, словно он сейчас начнёт разбирать кастрюлю.

— Ты держишь вилку как отвёртку.

— Нормально я держу вилку.

— Посмотри на свою руку.

Он посмотрел. Как отвёртку.

— Можно оставить себе?

— Это салфетка. — Она пожала плечами. — Ею вытирают руки.

Он сложил салфетку вчетверо и убрал в карман, к отвёртке.

* * *

В субботу он обещал отцу прийти в девять. Пришёл в две-

надцать.

Старые террасы по выходным просыпались поздно. Лестницы между подпорными стенами блестели после ночного дождя, на ступенях лежали жёлтые листья вязов, где-то наверху, за бельём на верёвках, жарили лук. Мастерская занимала нижний этаж дома с облупленной охрой: узкая витрина, за стеклом часы, барометр с медной стрелкой и старая швейная машинка, которую четвёртый год никто не забирал из ремонта. Над дверью — жестяная вывеска «ВЕЙН. ТОЧНАЯ МЕХАНИКА. ЧАСЫ, ПРИБОРЫ». Буква «Р» в «ПРИБОРАХ» давно отвалилась, и вывеска обещала прохожим загадочные «ПИБОРЫ». Отец уверял, что так лучше запоминают.

Звякнул колокольчик. Эмиль Вейн сидел за верстаком у окна с лупой на лбу и не обернулся.

— Девять — это когда маленькая стрелка на девяти.

— Знаю.

— Я так и думал. Тебя же учили.

Кай повесил куртку на крюк, где она висела всегда, и подошёл к верстаку. Там лежал разобранный барограф — старый, больничный, с барабаном, на котором самописец чертит кривую давления. Часовой механизм барабана был открыт, рядом на замше аккуратно лежали колёса.

— С Садовой, из больницы. Им к понедельнику. Барабан отстаёт, пишет неделю за восемь дней. Я начал, но там ось анкерного колеса, а у меня руки уже не те для такой мелочи.

Смотри.

Кай наклонился. Ось была изогнута едва заметно, так что колесо на каждом обороте на долю мгновения задевало соседнее.

— Выпрямлю. Дай пинцет.

Минут сорок они работали молча. Кай слышал, как отец дышит рядом, с лёгким присвистом, как всегда после зимы; как тикают на полках десятки часов, ни одни не в такт; как за окном кто-то тащит тележку по ступеням. Ради этой тишины он когда-то и полюбил мастерскую. Ось легла ровно. Колесо пошло, не задевая.

Понадобился запасной винт, крошечный, под часовую отвёртку. Кай машинально потянулся к нижнему ящику верстака: запасные винты лежали там всегда, сколько он себя помнил, в жестянке из-под леденцов.

Ящик не открылся.

На ящике был замок. Маленький, новый, врезанный аккуратно, как отец делал всё. Ключа в замке не было.

— Это после того раза, — сказал отец, не поднимая головы.

Кай отпустил ручку.

Тот раз он помнил. В марте, перед весенним открытым отбором на перевод в институт — тем самым, после которого его заметили и позвали на сентябрьскую проверку, — ему не хватало денег на подготовительный курс и материалы для практической части. Он взял из этого ящика коробку ста-

рых анкерных вилок и колёс, которые отец годами копил «на случай», и продал коллекционеру с верхней террасы. Решил, что они лежат без дела. Решил, что лучше знает, что сейчас важнее. Отец хватился через две недели, когда пришёл заказ, под который эти вилки и копились. Кай сначала сказал, что отдал их в работу знакомому. Через день сказал правду.

Деньги он вернул частями, остальное отработал по вечерам за три месяца. Отец ни разу не повысил голос. Лучше бы повысил.

— Ты до сих пор... — начал Кай.

— Нет. Не до сих пор. Просто теперь он закрыт, так проще обоим. — Отец открыл замок ключом, который носил на шнурке на шее, и протянул ему жестянку. — Бери, какой надо.

Кай взял винт. Пальцы на секунду перестали слушаться.

К двум закончили. Барабан пошёл ровно; отец подержал его у уха и кивнул — не «хорошо», а тем коротким кивком, который у него означал «правильно». Кай знал разницу.

— Пап, — сказал он, моя руки над раковиной в углу. — Мне в институте дают работу. В мастерских, платную. Бывают смены и по субботам.

Отец протирал лупу краем рубашки.

— Ты обещал субботы до зимы.

— Обещал, когда ещё не знал.

— Обещают как раз тогда, когда не знают. Когда знают, это называется расписание.

Кай резко закрутил кран.

— Ты хочешь, чтобы я остался здесь.

Сказал — и сразу услышал, как это звучит. Как про пищу на кухне: точно, легко и ни в одну сторону не правда.

Отец посмотрел на него. Седая щетина, красные от лупы веки, на виске отпечаток ободка. Сорок девять лет, а сейчас выглядел старше — или Кай просто давно не видел его при дневном свете.

— Я хочу, чтобы ты приходил, когда сказал. Не можешь в субботу — скажи, в какой день можешь. Я тебя не держу, Кай. Ящик на замке не потому, что я тебя держу.

Кай вытер руки полотенцем — тем же, что и пять лет назад, с вышитым якорем: мама купила его на ярмарке, потому что «в доме мастера должно быть что-то морское, иначе неприлично». На полке над раковиной стоял её штемпель — старый библиотечный штамп с переставными цифрами, которым она в детстве ставила на его рисунках «ВЫДАНО». Он давно его не замечал. Сейчас заметил.

— Я сказал девять. Пришёл в двенадцать. Извини.

— Ладно.

— В следующую субботу в девять. Если будет смена — скажу заранее. В четверг.

— Ладно, — повторил отец и, вешая лупу на гвоздь, спросил тем же голосом, каким спрашивал всю жизнь, — так, словно после этого вопроса ничего не могло случиться: — Поесть успел?

— Нет.

— Хлеб на полке, сыр в холодильнике. Режь сам, у меня руки в масле.

Они ели хлеб с сыром прямо на верстаке, отодвинув колёса барографа, и отец спросил, как зовут соседа.

— Адам.

— Хороший?

— Не знаю пока. У него лампа мигает, а он её не чинит.

Отец подумал, жуя.

— Значит, хороший. Плохие сразу чинят.

Кай хотел спросить, что это значит, и не спросил. Доел, вымыл обе кружки, поставил барабан на полку с биркой «Садовая, к пн» и уже в дверях, под жестяными «ПИБОРАМИ», обернулся.

— Пап. В четверг скажу.

— Понял. Иди уже. У тебя теперь остров.

Колокольчик звякнул. Кай спускался по мокрым ступеням к мосту и нащупал в кармане салфетку. Край размок, но рисунок уцелел: ссутуленный парень, вилка в кулаке.

У моста пекарня ещё работала. Он купил две булки, себе и Адаму, и пошёл на остров пешком, над рекой, которая сегодня была серой, спокойной и ничего не обещала.

Глава 3. Неправильный прибор

Двадцать три утра подряд маятник заставляли качающимся.

Он стоял под стеклянным колпаком на полке в дальнем конце мастерской: латунный груз величиной с грецкий орех, тонкий стержень, опора на агатовой призме. Под колпаком лежала табличка, написанная от руки аккуратным старомодным почерком: «Работает на разнице дня и ночи. Не заводится. Не трогать». Рядом — листок с датами, и каждое утро кто-то ставил на нём галочку: качается.

— Это традиция, — объяснил Адам, когда в четверг вечером они пришли в мастерскую вместе с толпой второкурсников. — Раз в несколько недель кто-нибудь из преподавателей приносит прибор, который работает правильно, а объяснён неправильно. Надо найти враньё. Победитель пишет решение на доске и выбирает, что принесут в следующий раз.

— А если никто не найдёт?

— Тогда прибор остаётся, а преподаватель ходит гордый. В прошлом году Хольм ходил гордый два месяца. С гироскопом.

В мастерской былолюдно и тепло. Кто-то принёс термос и пластиковые стаканчики, кто-то сидел прямо на верстаках, болтая ногами. Рей стоял у полки, сунув руки в карманы, и откровенно наслаждался. Без комиссии вокруг он выглядел

человеком, у которого на лице написано: «Ну давайте, удивите меня».

— Правила обычные. Колпак снимать можно. Маятник трогать можно — ломать нельзя. Полку двигать можно. В этой комнате можно всё, кроме одного: нельзя говорить «там просто батарейка», пока вы её не нашли. Вопросы?

— Он правда работает на разнице дня и ночи? — спросил кто-то.

— Табличка не врёт. Табличка ошибается. Это разные вещи. У вас час.

Кай оказался у полки первым. Он снял колпак, не дожидаясь очереди, и сразу почувствовал на лице слабое тёплое движение воздуха. Решил: тепло от людей. Наклонился к основанию. Дерево, латунь, призма. Ни проводов, ни пружины. Значит, внутри основания. Он постучал костяшкой — звук глухой, сплошной. Пустоты нет.

— Магнит, — сказал он вслух. — В основании магнит, в грузе железо. А под полкой в стене катушка.

— Катушка в стене, — с удовольствием повторил Рей. — Отлично. Проверьте.

Кай проверил. Отвёл груз пальцем и отпустил — никакого притяжения, маятник пошёл, как обычный маятник. Поднёс к основанию отвёртку — сталь не прилипла. Посветил телефоном за полку — старая штукатурка, никакой катушки. Ему стало жарко. Двадцать минут, и ничего, кроме красивой версии, которую он только что объявил при всех.

— Пружина с длинным заводом, — сказал он тише. — Часовая, внутри основания. Её завели на месяц.

— Месяц ещё не прошёл, — заметили сзади.

— Вот именно.

— Но ты же стучал, — сказал Адам. — Там сплошное дерево.

Адам стоял не у маятника, как все, а у стены, и смотрел не на прибор, а на листок с галочками.

— Слушай, а кто ставит эти галочки?

— Какая разница?

— Большая. — Адам ткнул пальцем в листок. — Двадцать три галочки, почерк один. Под каждой время: восемь пятнадцать, восемь двадцать, восемь десять. Каждое утро кто-то сюда приходит и смотрит, качается ли. — Он повернулся к Рею. — А его за двадцать три дня выносили из комнаты?

Рей не ответил. Только улыбнулся половиной рта.

— Не выносили, — сказал Адам сам себе. — Всё время на одном месте. Может, дело не в нём, а в месте.

Кай вспомнил тёплое движение воздуха на лице, когда снимал колпак.

Он поднял ладонь над полкой. Ничего. Выше, у самой стены — есть: слабые тёплые толчки. Источник нашёлся под потолком: старая вентиляционная решётка, покрашенная той же краской, что и стена. За решёткой что-то негромко постукивало — медленно, раз в секунду с небольшим.

— Вентиляция. Работает по таймеру — включается, вы-

ключается.

— «Разница дня и ночи», — с отвращением сказал Адам. — Это разница между «вентилятор работает» и «вентилятор не работает».

— Которая днём и ночью разная, — сказал Рей. — Ночью вентиляция в мастерских включается реже. Табличка не врёт.

— Табличка ошибается.

— Ошибается. Докажите. И заодно объясните, как воздух попадает под закрытый колпак.

Кай открыл рот и закрыл. Колпак двадцать три дня стоял закрытым.

Доказательство было делом техники, и тут Кай снова оказался в своей стихии. Вернул колпак на место, наклеил на заднюю стенку бумажную шкалу, отметил амплитуду, засёк время. Попросил выключить вентиляцию — Рей кивнул кому-то у щитка, и над полкой стало тихо. Через пять минут маятник качался заметно меньше. Через десять почти стоял. Включили — и за несколько минут размах вернулся к прежней отметке.

— Зависит от вентиляции, — сказал он. — Больше я пока ничего не знаю.

Дальше он сделал то, что делают, когда версий две. Вырезал из картона заслон и поставил между решёткой и колпаком, не касаясь полки: воздух теперь шёл мимо. Маятник качался, как качался. Тогда они с Адамом сняли прибор с

полки вместе с колпаком и перенесли на тяжёлую чугунную плиту у соседнего верстака, которая ни к стене, ни к коробу отношения не имела. Вентиляция работала. Через восемь минут маятник почти стоял.

Кай залез на табурет и посветил за решётку. Заслонка в коробе держалась на одном разболтанном шарнире и медленно ходила в потоке — туда, обратно, — а короб был прикручен к тому же кронштейну, на котором висела полка. Кай положил пальцы на кронштейн. Тот качался. Чуть-чуть, почти неощутимо, — в том же темпе, в каком ходил груз.

— Не воздух, — сказал он. — Полка. Заслонка раскачивает кронштейн, кронштейн — полку, полка — маятник. Попадает в такт, вот ему и хватает.

Последние минуты часа ушли на то, чтобы вернуть прибор на полку и дожидаться, пока он раскачается снова. Раскачался.

— А магнит? — спросил кто-то сзади.

— Простого магнита в основании нет, — сказал Кай, не глядя на Адама. — Катушку в стене я не исключу: я её не вижу. Но здесь уже есть механический источник. Кронштейн идёт в такт — вот, потрогайте.

— Магнит был очень красивый, — великодушно сказал Адам.

Рей протянул маркер:

— Пишите на доске. Кто-нибудь из вас.

Кай написал: «Источник — подпитка через опору: разбол-

танная заслонка вентиляции раскачивает кронштейн полки. Вентиляция откл. → затухание; вкл. → восстановление. Заслон от потока, полки не касается → эффект сохраняется. Прибор на отдельной плите → затухание; обратно на полку → восстановление. Табличка ошибочно связывает работу с суточным циклом: он влияет только через режим вентиляции». Подумал и добавил: «Проверено однократно». Под чертой поставил две фамилии.

Свою — первой. Вейн, Рен.

Он смотрел на эти фамилии, и было одновременно приятно и неловко — как увидеть в витрине, что куртка у тебя расстёгнута и ты так прошёл всю улицу. Про галочки спросил Адам. «Может, дело в месте» — тоже Адам. А он двадцать минут искал катушку в стене.

Он стёр свою фамилию и вписал её заново, второй.
Рен, Вейн.

— Порядок не важен, — сказал Адам, увидев. Но лицо у него было довольное.

— Важен.

Рей забрал маркер.

— Победитель выбирает следующий прибор. Ну?

Кай посмотрел на Адама. Адам — на Кая.

— Гироскоп Хольма, — сказали они хором, и мастерская взвыла.

* * *

В понедельник после лабораторной Тенн подозвал его к

своему столу.

За неделю Кай сделал у него четыре мелочи — просто оказался рядом, когда понадобилось: защёлка центрифуги, не державшая крышку; предметный столик микроскопа, ходивший рывками; перетёртый ремень сверлильного станка; и визир. Визир он перепроверил в субботу вечером, вернувшись от отца, в половине девятого, нарочно при открытой форточке, когда на улице было плюс шесть. Ноль держал. Он вписал это в журнал отдельной строкой, с датой и температурой.

Тенн эту строку видел — это было понятно по тому, как он посмотрел.

— Есть оплачиваемая помощь, — сказал Тенн без вступлений. — Вторник и пятница, с четырёх до шести. Иногда суббота, по заявке, предупреждаю за три дня. Работаешь под надзором — моим или того, кого назначу. Подписываешь только свои операции. Не знаешь, что это, — не трогаешь и зовёшь. Трогаешь, не зная, — больше не работаешь. Ставка лаборантская, не мастерская.

— Да.

— Я не спросил.

— Всё равно да.

Тенн вытер руки ветошью.

— Ладно. Бумаги в учебной части. С пятницы.

Кай кивнул и не ушёл. За спиной Тенна, на стеллаже с приборами в очереди на ремонт, лежал один — серый, с непривычными латунными дугами на крышке, с биркой:

буква «С» и номер. Таких бирок Кай ещё не видел.

— А туда?

— Куда?

— В Серый корпус. Там же тоже есть механика. Кто-то её чинит.

Тенн, не оборачиваясь, взял серый прибор и переложил на нижнюю полку, за ящик с ветошью.

— Механика там есть. И есть люди, которые за неё отвечают. Ты к ним пока не относишься.

— А как начинают относиться?

— Долго работают здесь. Потом кто-нибудь просит. Потом подписывают бумагу. Потом ещё одну.

— А если я буду полезен?

— Полезных много. Допуск дают не за полезность. Допуск дают за то, что человек знает, где его полезность кончается.

Кай хотел возразить и не нашёл чем. Слишком похоже это было на фразу про подписи.

В четверг вечером он позвонил отцу: через субботу может быть смена, а в эту — нет, он придёт в девять.

— Записал, — сказал отец.

— Куда?

— На стену. У меня теперь твой график на стене висит. Как у твоего Адама.

Кай засмеялся в трубку и потом весь вечер вспоминал этот график на стене мастерской, над банкой с отвёртками, — и смеяться почему-то уже не хотелось.

* * *

В пятницу, на первой же смене, в начале шестого, в мастерскую вкатился Рей с тележкой.

На тележке стоял стенд — Кай понял это сразу, хотя таких никогда не видел. Плита из тёмного композита, на ней стойка, на стойке маятник, куда серьёзнее полочного: стальной груз, тонкий подвес, оптический датчик в нижней точке. Под плитой разъёмы, кабель кольцом. На боку та же бирка: «С1-7».

За Реем шёл парень лет двадцати в спортивной куртке, с наушниками на шее и лицом человека, которого сорвали с ужина.

— Оскар, у нас срывы. Датчик пишет, что маятник срывается в каждой третьей серии. Механику в прошлую пятницу проверяли, всё чисто. Глеб воспроизводит. Посмотрите?

Тенн посмотрел на стенд, потом на Кая.

— Вейн. Держишь опору. Вот здесь, двумя пальцами, не давишь. Я смотрю датчик.

— А привод где? — Кай оглядел плиту: ни электромагнита, ни толкателя. Маятник был совершенно голый.

— Привод у Глеба, — легко сказал Рей. — Глеб, туда.

В конце верстака стояла матовая ширма на ножках, какими отгораживают сварку. Глеб зашёл за неё и, судя по звуку, сел на табурет. Больше оттуда не доносилось ничего — ни щелчка тумблера, ни гудения.

Кай положил два пальца на стойку.

— Серия, — сказал Тенн, глядя в экранчик датчика.

Маятник висел неподвижно. Потом качнулся — сам, без толчка, плавно, точно кто-то невидимый отвёл груз и отпустил. Качнулся ещё раз, сильнее. Кай смотрел во все глаза. Где привод? Под плитой? Пальцы не чувствовали никакой вибрации.

На третьем размахе маятник увяз. Из-за ширмы его явно подталкивали — груз на долю секунды вздрагивал в крайней точке, — но размах больше не рос. Маятник ходил тяжело и медленно, как в мёде, ровно на ту же ширину: ни шире, ни уже.

— Срыв, — сказал Тенн. — Серия не набрала амплитуду. Из-за ширмы донеслось сквозь зубы:

— Да что за... Опять как в вату.

Рей бросил туда быстрый взгляд, и голос смолк.

— Ещё раз, — сказал Тенн. — Вейн, руку не убирай.

Вторая серия: раз, два — и на третьем увяз. Третья — увяз на втором.

У Кая горели уши. Он что-то делал не так. Давил, наверное, хотя изо всех сил старался не давить. Или палец дрожал. Он держал стойку так легко, как держат крыло бабочки, а маятник всё равно вяз.

— Я, наверное, гашу. Рукой. Демпфирую.

— Наверное, — сказал Рей. Голос спокойный, но смотрел он уже не на маятник, а на руку Кая. — Отпустите.

Кай убрал пальцы.

Маятник раскачался — раз, два, три, пять — ровно, широко, с тем мерным свистом подвеса, какой бывает у очень хорошей механики. Датчик пищал на каждом проходе.

— Оскар, подержите вы.

Тенн положил два пальца на опору. Маятник раскачивался дальше. Не вяз.

— Теперь опять Вейн. Легче, чем раньше. Почти не касаюсь.

Кай тронул стойку так, что сам её едва почувствовал. Маятник качнулся раз и пошёл вязко, не прибавляя, словно груз взяли мягкой ладонью и водили туда-сюда.

За ширмой стало очень тихо.

— Я что-то делаю не так, — сказал Кай, и голос вышел выше, чем хотелось. — Не понимаю что. Может, руки влажные, может, статика...

— Может. Подержите ещё. Так. Теперь отпустите.

Кай отпустил. Маятник пошёл.

Подержал — увяз.

Рей смотрел на это так же, как в четверг на маятник под колпаком, только теперь к удовольствию примешивалась осторожность.

— Спасибо. Глеб, можешь идти. Мы всё увидели.

Глеб вышел из-за ширмы бледноватый, потирая виски. Проходя мимо, посмотрел на Кая — не зло, а с озадаченным интересом, как на дверь, которая открывается не в ту сторону.

— Это ты держал?

— Я.

— Ага, — сказал Глеб и ушёл, надевая наушники, в которых ничего не играло.

Тенн отключил датчик и начал сворачивать кабель кольцом — медленно, очень аккуратно, ни на кого не глядя.

— Механика в порядке. Я напишу.

— Напишите, — согласился Рей. — Именно так и напишите: механика в порядке.

Кай вытирал о штаны сухие пальцы.

— Где у вас привод? — спросил он ещё раз, тише. — Его здесь нет. Я смотрел. Ни магнита, ни толкателя. Он качается сам.

Рей подкатил тележку к двери и обернулся.

— Хороший вопрос. Самый правильный за сегодня. Ответ на него — в бумаге, которую вам скоро предложат подписать. — Он помолчал. — Вейн. У нас есть методическая группа сравнения. Нам нужны люди, которые хорошо держат приборы. Это оплачивается, это законно, и там вам кое-что объяснят. Подумайте до понедельника.

— Я уже подумал.

— До понедельника. Это не вежливость. Подумайте.

Дверь за тележкой закрылась. На башне ударила четверть, и Кай зачем-то посмотрел на визир на соседнем верстаке. Ноль стоял на марке.

Тенн убрал кабель в ящик.

— Руки помой. И не стой с таким лицом. Ничего ты не гасил.

— А что я тогда делал?

Тенн помедлил — взвешивал, сколько можно сказать и сколько он сам знает наверняка.

— Держал. Только, похоже, не то, что я тебе велел.

Глава 4. Сторона допуска

Пропуск в Серый корпус оказался обычной пластиковой карточкой с фотографией, на которой Кай выглядел только что разбуженным, — его и правда разбудили: снимали в учебной части в восемь утра. Под фотографией: «Методическая группа сравнения. Наблюдательный допуск. S1». Больше ничего.

Человек в форменной куртке посмотрел на карточку, на Кая, снова на карточку, словно сверял два прибора, и приложил её к считывателю. Замок щёлкнул.

— Только первый этаж. Лестницы не для вас.

— Я понял.

— Все так говорят, — сказал охранник без всякой злобы.
— Потом идут искать туалет и оказываются на втором.

Внутри Серый корпус оказался неожиданно светлым. Кай ждал каменных сводов и тусклых ламп, которые обещали стены снаружи, а попал в обычный коридор с ровным потолочным светом, серым линолеумом, огнетушителями в нишах и запахом свежей краски. Другой была только тишина. В главном корпусе даже в пустом коридоре всегда что-то звучало: шаги этажом выше, хлопнувшая дверь, голос из аудитории. Здесь двери были толстые, с резиновыми уплотнителями, и звук за ними не жил.

В холле у лестницы висела доска из тёмного дерева с ла-

тунными табличками в три ряда — «Допущенные к работам». Фамилии, курсы и одна буква профиля: К, Э или А. В нижнем ряду две таблички были сняты; на их месте остались светлые прямоугольники и по две дырочки от шурупов. Никто их не закрасил. Кай задержался на них взглядом на секунду дольше, чем стоило, и охранник за спиной кашлянул.

Лидия Севр ждала его в маленькой комнате с окном во внутренний двор. Сорок с небольшим, короткая стрижка, очки в тонкой оправе, которые она то снимала, то надевала, точно проверяла, не изменился ли за это время мир. На столе папка, стакан воды, ручка.

— Садитесь, Вейн. Это около часа. Сначала говорю я, потом спрашиваете вы, потом подписываете. Если на каком-то этапе решите, что не хотите, — встаёте и уходите. Для учёбы и работы в мастерских это последствий иметь не будет. Понятно?

— Понятно.

— Хорошо. — Она сняла очки. — Существуют редкие операторские эффекты. Некоторые люди при определённых условиях способны вызывать ограниченные изменения в состоянии близких к ним систем. Предмета. Сигнала. Иногда другого человека. Это не чудо в бытовом смысле: у этого есть условия, пределы, цена и закономерности, часть которых мы понимаем, часть нет. Программа специальных методов учит таких людей делать это воспроизводимо и безопасно — и изучает само явление. Работу оператора вы видели

в прошлую пятницу.

Кай сидел очень прямо. Он ждал, что станет страшно или смешно, а стало ясно — как бывает, когда в задаче, над которой бился неделю, находишь опечатку в условии.

— Глеб. Маятник. Он его двигал. Из-за ширмы.

— Глеб — кинетик, второй курс. Буква К у нас на доске. В бумагах таких называют операторами. Да.

— Без привода.

— Привод — это он.

Кай кивнул и спросил то, что на самом деле хотел спросить с пятницы:

— А почему он вяз, когда я держал?

Севр надела очки.

— Хороший вопрос, и ответа, который я могла бы дать вам как факт, у меня нет. У доцента Рея есть гипотеза. У меня есть процедура. Сначала процедура.

Процедура заняла остаток часа. О программе не говорить за пределами допущенного круга — ни отцу, ни соседу, ни в сети. Для всех остальных «специальные методы» — закрытый проект с повышенными требованиями к оборудованию и медицинскому контролю; это правда, просто неполная. Наблюдательный допуск разрешает присутствовать на назначенных процедурах, держать и обслуживать безопасную часть оборудования, выполнять разрешённую роль — и ничего не запускать самому. Любую процедуру можно прекратить словом «стоп», без объяснений. Всё, что он здесь

видит, записывается в журнал, и записывать будет он тоже.

— Подписываем то, что видели, — сказал Кай.

Севр взглянула на него поверх очков.

— Тенн. Узнаю его фразы в чужих ртах. Да, примерно так.

Бумаг было три, и в каждой его фамилия стояла в графе «Участник», а не «Оператор». Он это заметил и промолчал.

* * *

Стандартная серия проходила в соседней комнате — совсем маленькой, без окон, со стенами, обитыми серым. Посередине стол, на столе стеклянный колпак, под колпаком на остром подвесе стрелка, лёгкая, как ресница. Перед колпаком стул. За полупрозрачной перегородкой — техник с экраном.

— Это мишень. Вы её не трогаете. Двенадцать серий: первые шесть просто сидите и смотрите, вторые шесть пытаетесь её сдвинуть. Не руками.

— А чем?

— Ничем. Желанием. Вниманием. Не знаю. — Севр пожала плечами. — Все по-разному. Кто-то представляет, что толкает, кто-то — что тянет, кто-то считает до десяти. Если у вас кинетический профиль, стрелка отклонится. Если нет — нет. Это не экзамен, Вейн. Это измерение.

Стрелка висела перед ним, тонкая, неподвижная, с крошечной искрой лампы на кончике.

Первые шесть серий он сидел. Было тихо, только за перегородкой изредка щёлкала клавиатура. Ему хотелось сесть

удобнее, но он боялся шевельнуться и что-нибудь испортить.

Во второй шестёрке он толкал.

Представлял, что толкает, потом — что тянет. Потом — что ладонь лежит на стрелке, как лежала на стойке маятника, и сдвигает её на волос, на полволоса, на что угодно. Считал до десяти. Злился. Вспоминал, как маятник сам пошёл, когда Глеб за ширмой захотел, — и хотел так же, изо всех сил, до ломоты в висках.

Стрелка висела. И висела ровнее, чем в начале: лёгкое подрагивание первых серий — от воздуха, от дыхания, от гудения ламп — пропало. Ресница под колпаком стояла, как приклеенная.

— Хм, — сказали за перегородкой.

— Что?

— Ничего. Фон низкий. Очень ровный. В пределах. Продолжайте.

Двенадцатая серия закончилась. Стрелка не сдвинулась ни на деление.

Севр прочитала результат с экрана, сняла очки, протёрла краем рукава и надела снова — как будто цифры могли от этого поменяться.

— «Воспроизводимого операторского эффекта в стандартной серии не установлено». Это заключение. Его я подпишу.

Слова были точные, аккуратные, каждое на своём месте. А услышал Кай два других, которых в заключении не было.

Дара нет.

— Понятно.

— Вейн. — Голос у Севр стал чуть мягче: она явно видела это лицо не в первый раз. — Стандартная серия измеряет одну вещь: можете ли вы сами, по своему желанию, сдвинуть свободную цель. Вы не можете. Больше она ничего не измеряет. О том, что вы ещё можете или не можете, она не говорит. Для этого стандартной серии нет.

— А у доцента Рея гипотеза.

— У доцента Рея всегда гипотеза. Это его работа. Моя — не путать гипотезу с результатом. Добро пожаловать в группу сравнения. Первый выход — в четверг.

У двери с табличкой «S1-3» стояли двое в одинаковых тёмных свитерах — девушка с длинной косой и незнакомый парень. Они замолчали, когда он вышел, а когда прошёл мимо, девушка сказала негромко — но в тишине Серого корпуса слышно было всё:

— Это тот, новый? Со сравнения?

— Ага. Нулевой.

Кай не обернулся. Дошёл до тамбура, приложил карточку, вышел под морось и только во дворе остановился, глядя на мокрые плиты.

«Нулевой». Такого слова в заключении не было. Оно было только в коридоре.

Но коридор, похоже, звучал громче.

* * *

На следующий день, во вторник, он пошёл в библиотеку: надо было садиться за метрологию сред, в комнате Адам репетировал вслух доклад, и хотелось быть там, где никто ничего не знает про стрелку под колпаком.

Читальный зал на втором этаже был длинный, с высокими окнами, тёмными дубовыми столами и зелёными лампами, которых днём никто не включал. Конец сентября — все вдруг вспомнили, что надо учиться, и свободных мест почти не было. Кай прошёл зал до бокового окна и увидел за последним столом, у самого стекла, Агнию. Одну. На соседнем стуле лежала её сумка.

Она подняла голову, посмотрела на книги у него в руках и молча переложила сумку на пол.

— Свободно.

Он сел.

Минут двадцать они работали молча, и Кай был за это благодарен. Он читал про погрешности в нестабильных средах и писал на полях вопросы, на которые в учебнике не было ответа. Агния рисовала — быстро, короткими штрихами, иногда замирала, глядя куда-то в зал, и снова опускала голову. За окном мокрый двор, дорожка к лабораторному корпусу, чёрные ветки вяза.

— Что ты рисуешь? — спросил он наконец шёпотом: читальный зал.

— Руки, — так же тихо ответила она и повернула к нему лист.

На листе были руки — десятки рук тех, кто сидел в зале. Подпирающие щёку. Листающие книгу. Рука, которая грызёт ручку, — она нарисовала даже зубы, и Кай едва не засмеялся. Сцепленные пальцы, ладони у лица, руки с телефоном под столом.

— Почему руки?

— Лица врут. Руки реже. Человек может сделать спокойное лицо, а руки всё равно будут рвать бумажку на мелкие кусочки. — Она посмотрела на его руки на столе. Он машинально убрал их на колени, понял, что это глупо, и вернул обратно. — У тебя след на пальце. Вот тут.

— Надфиль. В десять лет. Сорвался.

— Ты с десяти лет работаешь руками?

— С шести. В десять просто первый раз сорвался так, что осталось.

Она кивнула, будто это что-то объясняло, и снова взялась за карандаш. На бумаге появлялась его рука: указательный палец с белой полоской сбоку, короткие ногти, тёмная кайма под ногтем, которую он утром не отмыл.

— Я слышала про маятник, — сказала Агния, не поднимая головы.

Кай напрягся.

— Откуда?

— Глеб рассказывал. Что у него маятник увяз, как в вату, а держал ты. — Она дорисовала ноготь. — Он очень злился. Глеб вообще любит, когда у него всё получается.

— Я, наверное, гашу. Руками. Что-то не так делаю.

— Может быть. — Она подняла глаза, тёмные, внимательные, и в них было то, чего он не умел прочесть: не жалость и не любопытство. — Ты теперь на сравнении?

— Да.

— Севр иногда переводит людей со сравнения на практикумы. Если кто-нибудь из преподавателей попросит. — Она отложила карандаш. — Хочешь, я поговорю с Реем? Он меня слушает. Чтобы тебя взяли на практикум в Сером. Не только держать приборы.

Внутри у Кая что-то закрылось — быстро, со щелчком, как замок на отцовском ящике.

Он видел это очень ясно. Девушка из Серого корпуса — из тех, кому открывают дверь, у кого в бумагах написано не «участник», — смотрит на нулевого механика со сравнения с грязью под ногтем и предлагает замолвить за него словечко. По доброте. Так подают мелочь. Так предлагают заказать пиццу на всех, потому что у тебя-то денег нет.

— Не надо за меня просить.

— Я не за тебя прошу. Я хотела...

Она бросила взгляд на сумку на полу. Из сумки торчал угол чего-то деревянного, тёмного, с полоской латуни по краю. Он увидел этот угол и не заметил его — так не замечаешь деталь, когда смотришь на другое.

— Мне нужно, чтобы ты посмотрел одну...

Но он уже вставал. Собирал книги. Руки делали это быст-

ро и сами — руки, которые, как она сказала, врут реже лиц.
— Мне на смену. В мастерские. С четырёх.

Это была правда. Вторник, смена с четырёх до шести. Он не соврал ни словом — и всё равно это была неправда: до четырёх оставалось сорок минут, а до мастерских — четыре.

Агния смотрела на него снизу вверх. Договаривать не стала. Кивнула коротко — так кивают, когда подтвердилось то, о чём и так догадывался, — и снова взяла карандаш.

— Хорошо. Иди.

Он пошёл. Через длинный зал, мимо зелёных ламп, мимо чужих рук, которые теперь, после её рисунка, видел повсюду. На лестнице между вторым и первым этажом остановился. Можно было вернуться. Сказать: «Ты что-то хотела показать». Минута.

Внизу хлопнула входная дверь, кто-то засмеялся.

Он не вернулся. Думал только, что не хочет, чтобы за него просили, и что «хорошо, иди» она сказала голосом «я так и думала».

В мастерские он пришёл за сорок минут до смены, и Тенн, ничего не спросив, дал ему перебирать коробку старых винтов.

* * *

В четверг, первого октября, был его первый выход.

Ничего особенного: отнести в комнату S1-4 отремонтированный держатель для учебного стенда, закрепить, проверить, расписаться. Держатель весил два килограмма. Кай нёс

его по коридору Серого корпуса, как несут торт, и ловил себя на том, что старается ступать тише.

У двери S1-4 стояла девушка — высокая, в чёрном свитере с высоким горлом, волосы собраны в гладкий тяжёлый узел. Та, в чёрном пальто, что смешила подругу во дворе в первый день. Она вычёркивала что-то на планшете с листами, а левой рукой, опущенной вдоль тела, сжимала правое запястье, словно держала там что-то, что могло убежать.

— Ты Вейн, — сказала она. Не спросила. — Со сравнения. Тот, у которого у Глеба маятник вязнет.

— Я ничего не гашу, — сказал Кай быстрее, чем хотел.

— Я и не говорю. — Улыбка у неё была быстрая и неожиданно тёплая, незапланированная. — Вивиана. Ларен. Третий курс, физические методы. Если тебе скажут, что я злая, — это правда, но только до обеда. Это держатель?

— Да.

— Отлично. Ставь вон туда, в гнездо. Слушай, раз уж ты здесь, поддержи мне секунду стойку, я проверю...

Она осеклась. Посмотрела на него быстро и внимательно — как смотрят на мокрый пол, прежде чем ступить.

— Нет. Лучше не надо. Не сегодня. У меня в пятницу зачёт, мне нужна чистая картинка.

— Я могу не касаться.

— Можешь. Но не надо.

Сказано было мягко, почти весело, и всё равно его словно попросили выйти из комнаты, где взрослые будут говорить о

своём. Он поставил держатель в гнездо, закрепил, проверил ход — всё ровно — и расписался в журнале на стене: время, операция, «К. Вейн». Вивиана смотрела, как он пишет, — не на почерк, понял он, а на руку.

— Хорошая работа. Правда. Тенн говорит, у тебя пальцы, как у часовщика.

— Я и есть часовщик. Почти.

— Тогда тем более.

Дверь в дальнем конце коридора, та, что вела к лестнице на второй этаж, открылась изнутри. Первой Кай увидел Миру: рыжеватые волосы, свитер, рукав в мелу. Она шла быстро, почти бежала, и обнимала кого-то за плечи.

Агнию.

Та смотрела под ноги. Лицо не заплаканное — хуже: такое бывает у человека, который долго плакал где-то в другом месте, потом умылся холодной водой и решил, что всё прошло. Красные глаза, сжатые губы. В руке стакан воды, из которого она не пила.

Вивиана сунула планшет под мышку и пошла к ним — не быстро, но через три шага уже была рядом. Взяла у Агнии стакан, что-то тихо сказала. Мира кивнула, не отпуская подругу.

Агния подняла голову, увидела Кая у двери S1-4 с ручкой над журналом. Секунду смотрела на него. Отвернулась.

Кай не двинулся с места. Что случилось, он не знал и чувствовал, что спрашивать не имеет права. Это было там, куда

ему нельзя. На втором этаже.

Вивиана обернулась через плечо и поймала его взгляд.

— Не сейчас, Вейн, — сказала она негромко, без злости.

— Всё в порядке. Иди.

Они ушли втроём к выходу. Мира что-то говорила без остановки, быстро и тихо. Вивиана шла с другой стороны и несла стакан. Агния — посередине.

Кай дописал время. Подумал и ниже, мелко, для себя, хотя журнал был не для этого, добавил: «Держатель установлен, ход проверен. Больше ничего не проверял».

Во дворе дождя не было. Над рекой стоял светлый холодный вечер, минутная стрелка на башне ползла к шести. Можно отказаться, подумал он. Вернуться к Севр и сказать, что не хочет носить держатели в комнаты, где ему не дают держать стойки, и смотреть, как на втором этаже о чём-то плачут. Его отпустят без последствий. Она сама сказала.

Он достал пропуск. «Методическая группа сравнения. Наблюдательный допуск. S1». Лицо на фотографии было заspanное и упрямое.

Он был внутри. На стороне допуска. Но не по ту сторону двери.

Кай убрал пропуск и пошёл в мастерские. До смены оставалось полчаса, но Тенн всегда находил, что дать перебирать.

Глава 5. То, чем здесь занимаются

Шарик был стальной, размером с вишню, и он слушался. Он лежал в начале спирального жёлоба — длинной латунной дорожки, закрученной на столе в три витка, как раковина улитки. Вивиана стояла в двух метрах от стола, руки в карманах. Не впивалась в шарик взглядом, не морщила лоб — ничего из того, что Кай успел себе навоображать. Она смотрела на него, как смотрят на дорогу, по которой знают, куда идти.

Шарик тронулся.

Медленно, словно его подтолкнули пальцем. Покатился по первому витку, на повороте притормозил и встал точно на красной риске, выбитой в латуни. Постоял. Покатился дальше. Вторая риска. Третья. Каждый раз ровно на ней, ни на волос дальше.

Кай стоял у стены, где велели, — в трёх метрах, за жёлтой линией на полу, — и забыл дышать.

Точную работу он видел много раз. Отец ставил анкерную вилку так, что её ход не мерился штангенциркулем, только слышался. Тенн выставял ноль на старом визире с первого раза. Это было мастерство: руки, годы, ошибки. Здесь было то же самое — то же внимание, то же усилие, та же тишина вокруг, — только руки лежали в карманах.

— Хорошо, — сказала Севр с другого конца комнаты. —

Теперь отпусти на выходе.

На последнем витке жёлоб обрывался в воздух. В метре от него стоял ловитель — открытый ящик, обитый изнутри толстым серым поролоном. Вивиана погнала шарик быстрее. На выходе он сорвался с латуни, пролетел свой метр по дуге, как пролетел бы любой брошенный предмет, и мягко ткнулся в поролон.

— Видели? — сказала Севр, не глядя на Кая, но явно ему. — Пока она держала, это был её шарик. Отпустила — просто шарик. Летит, как летит. Если бы там стоял человек, ему было бы больно. Отпущенный предмет больше никого не слушается. Это первое, чему здесь учат. Второе — не держать дольше, чем можешь.

Вивиана вынула руки из карманов и улыбнулась Каю через всю комнату.

— Ну что, Вейн. Похоже на часовщика?

— Похоже. — Голос сел.

Следующей вышла девушка, которую он раньше не видел: невысокая, плотная, коротко стриженная, в рабочих брюках и тяжёлых ботинках, с ярко-зелёным шарфом, намотанным так, будто ей предстоял мороз. Она подошла к квадрату на полу, обведённому белой лентой, метр на метр, и присела. Осмотрела подошвы ботинок — левую, правую. Посмотрела на второй квадрат, в двух метрах дальше. Потом на Севр.

— Чисто?

— Чисто, — ответил техник у стены, глядя в экран. —

Свободно. Ничего не стоит.

— Селеста. Когда готова.

Девушка в зелёном шарфе выпрямилась. Кай ждал вспышки, звука, хотя бы напряжения на лице. Она шагнула вперёд, в пустой воздух первого квадрата, — и в следующую секунду стояла во втором. Без перехода, без промежуточной точки. Воздух между двумя положениями хлопнул тихо, как закрытая книга, и у неё шевельнулись волосы.

Кай обнаружил, что держится рукой за стену.

— Всё. — Селеста посмотрела на ботинки. — Носок чуть задрался. Я говорила, что эти ботинки скользкие.

— Говорила, — согласилась Севр и что-то записала. — Двадцать сантиметров запаса справа. Хорошо.

Селеста отошла к стене, размотала шарф. У корней волос на лбу у неё выступил пот. Она вытерла его тыльной стороной ладони и прищурилась на Кая.

— Ты новый на сравнении.

— Да.

— Не стой так близко к квадрату, когда я работаю. Ты в запасе — но в запасе. Не люблю, когда в запасе кто-то стоит.

— Он за линией, — сказала Севр.

— Сейчас за линией. А до этого стоял на ней.

Кай посмотрел вниз. Носок ботинка касался жёлтой полосы. Он отступил.

* * *

В перерыве, в маленькой комнате отдыха с чайником и

запахом растворимого кофе, Кай сел на край подоконника и смотрел, как живут люди, которые умеют то, чего не умеет он.

Жили они удивительно обыденно. Селеста грызла яблоко и спорила по телефону, кто в выходные забирает у родителей машину. Глеб жаловался на голову, и ему посоветовали меньше сидеть в наушниках. Вивиана пила воду мелкими глотками у окна, держа стакан левой рукой. Правую прижимала к боку. Её длинные пальцы с аккуратно подпиленными ногтями мелко дрожали — не всё время, волнами, как стрелка с плохо сбалансированным подвесом.

Она поймала его взгляд.

— Кофе перепила. Не смотри так, Вейн, это не заразно.

Мира сидела на диване рядом с Агнией, поджав ноги, и показывала ей что-то в телефоне — ноты, кажется. Потом заметила Кая и уставилась на него — долго, склонив голову по-птичьи.

— Ты странный.

— Спасибо.

— Нет, правда. — Она спустила ноги на пол. — Ты знаешь, что я на эмпатии? Я... — неопределённый жест, — чувствую, как людям. Не мысли, не думай. Тревожно человеку или нет, хорошо или плохо. Как температуру. Обычно это даже не выразишь. А с тобой не выходит.

— Как это?

— Не знаю. Агнию я слышу. Вивиану слышу — ей сейчас

противно, что все видят её руку. — Вивиана закатила глаза. — Селеста злится на брата. У Глеба правда болит. А ты... ты как за стеклом. Видно, а не слышно. Ровно. Как окно.

Она сказала это без умысла, с весёлым удивлением человека, нашедшего в кармане монету чужой страны. Кай почему-то покраснел.

— Может, мне просто нормально.

— Может. Но тогда я бы это и слышала. «Нормально» — это тоже что-то. А у тебя ничего. Это не плохо! Непривычно. Как говорить с человеком в наушниках.

— Мира, — сказала Агния, не поднимая головы от телефона.

— Что?

— Ты сейчас сообщаем чловеку, что он окно в наушниках.

Мира прыснула, у окна засмеялась Вивиана, и Кай засмеялся с ними, хотя смешно ему не было. Он смотрел на Агнию. С библиотеки прошла неделя; за всю неделю она ни разу не заговорила с ним первой, но и не отворачивалась больше, как тогда в коридоре. Сейчас она сидела, натянув рукав свитера на ладонь, и под глазами у неё лежали тени.

* * *

Вечером, один в мастерской, он положил на верстак монету и попробовал её сдвинуть.

Глупо, и он это понимал: стандартная серия уже сказала всё, что могла. Но там была стрелка под колпаком и техник за

перегородкой, а здесь — его монета на его верстаке, и никто не смотрел.

Он смотрел на монету, как Вивиана на шарик, — как на дорогу. Представлял, что держит её, как держал стойку маятника, и толкает. Вспоминал хлопок воздуха, с которым Селеста перешла из квадрата в квадрат. В груди поднималось горячее и бессильное.

Монета лежала.

Он взял её пальцами и сунул в карман. Пальцами она двигалась отлично.

* * *

Пятничная подготовка шла не в Сером корпусе, а в лабораторном, в общей комнате, которую группе отдали до четверга. Кай пришёл раньше всех, чтобы проверить учебный макет — «Шесть окон» без операторской части, шесть шкал на панели, — и нашёл на столе забытый механический карандаш.

Старый, металлический, с потёртой рифлёной гильзой, тяжелее обычных. Кай машинально нажал на кнопку — и сразу почувствовал: заедает. Кнопка шла неровно, с хрустом, грифель выдвигался рывком и проседал. Грязь в цанге, наверное. Или пружина.

В комнате никого. До начала минут двадцать.

Он разобрал карандаш за три. В цанге набилась графитовая крошка, а пружина соскочила с посадки и тёрлась о гильзу. Он вытряхнул крошку, прочистил цангу кончиком иглы,

посадил пружину на место и капнул часового масла — на шток кнопки, подальше от цанги: цанга должна держать грифель, а не отпускать. Флакончик он с детства носил в кармане куртки — «механик без масла как врач без бинта», говорил отец. Собрал. Нажал. Грифель вышел ровно, мягко, с тихим щелчком. Как новый.

Он как раз нажимал в пятый раз, наслаждаясь щелчком, когда вошла Агния.

Увидела карандаш у него в руке. Остановилась.

— Это мой.

— Он заедал. Там крошка набилась, и пружина...

— Знаю. — Голос спокойный, но ближе она не подошла.

— Он заедает два года. Я привыкла, как он заедает. По хрусту знаю, сколько осталось грифеля: если хрустит на втором нажатии — пора менять.

Кай посмотрел на карандаш. Нажал. Ровный тихий щелчок.

— Теперь не хрустит, — сказал он глупо.

— Теперь не хрустит.

— Я могу... — он запнулся. — Могу вернуть как было.

Ослабить пружину.

Агния смотрела на него долго, и угол её рта неохотно дрогнул.

— Нельзя расчинить. Так не бывает.

— Бывает. Я могу его так испортить, что не отличишь.

Тут она засмеялась — коротко, почти беззвучно, отвер-

нувшись, — и у Кая отпустило то, что было сжато с того вторника в библиотеке.

Она подошла, забрала карандаш, нажала. Послушала щелчок, наклонив голову.

— Ладно. Пусть будет. Но в следующий раз — спроси сначала.

— Спрошу.

— Я серьёзно. — Она подняла глаза. — Я по этому хрусту два года знала, когда менять грифель. Теперь буду угадывать.

Кай хотел сказать, что карандаш — это просто карандаш, и не сказал. По её лицу было видно, что не просто.

— Спрошу, — повторил он.

Агния убрала карандаш в карман и села напротив. Может быть, это был момент сказать про библиотеку — «ты тогда хотела что-то показать». Он открыл рот, но в коридоре загрохотали шаги, и в дверь влетела Мира с виолончельным футляром, который, видимо, было некуда деть, а за ней Вивиана с картонной подставкой на четыре бумажных стакана.

— Мы опоздали, — объявила Мира, — потому что Вивиана решила, что без кофе мы провалим четверг.

— Без кофе мы провалим четверг. Это научный факт. Вейн, держи. Не знала, какой ты пьёшь, взяла чёрный. Механики пьют чёрный.

Стакан был горячий, из пекарни у восточного моста — с их бумажной наклейкой, на которой нарисована башня.

Кай взял, потому что иначе стакан остался бы у неё в руке,

и тут же, не успев себя остановить, сказал:

— Я верну.

Вивиана подняла бровь.

— Вернёшь — обижусь.

— Бери, — сказала Агния. — Она всем носит. Это её способ командовать.

— Клевета, — сказала Вивиана, усаживаясь. — Это мой способ любить.

— Одно и то же, — сказала Мира и поставила футляр в угол так, что все вздрогнули.

Кофе был чёрный, без сахара — как он и пил. Кай обжёгся первым глотком, решил, что в следующий раз купит Вивиане кофе сам, тут же сообразил, что она обидится, и не придумал, что с этим делать.

* * *

Готовились два часа. Точнее, готовились трое, а Кай сначала смотрел, потом помогал, потом поймал себя на том, что спорит.

— Импульсы подаю я, — говорила Вивиана, рисуя на доске шесть квадратиков. — Толкаю цель через выбранный канал, и метка должна выскочить там, куда толкнула. Выскочила в двух окнах — значит, они смотрят на одно и то же.

— А если по цифрам видно? Два окна одинаково меняются?

— Тогда ты красиво предположил. И всё. Совпадение — не доказательство. Нужен толчок.

— Мира держит состояние, — сказала Агния. — Своё и наше. Чтобы мы не дёргались и не тыкали импульсами куда попало.

— Не держу, а слежу, — поправила Мира. — Держать — это у Вивианы.

— Я сверяю показания и пишу журнал. А ты, — Агния посмотрела на Кая, — до запуска проверяешь механику и следишь, чтобы ничего не уплыло. Если какое-то окно будет врать из-за железа, ты должен заметить раньше нас.

— Только механику, — сказала Вивиана легко, но взглянула на него так же, как тогда у двери S1-4, быстро и внимательно. — Договорились, Вейн? Стенд трогаешь до запуска. Во время серии — руки на коленях. Мне нужна чистая картинка.

— Договорились.

Она протянула ему маркер.

— Покажи, как ты пишешь журнал.

— Зачем?

— Затем, что я видела твой журнал у Тенна. «Больше ничего не проверял». — Она улыбнулась. — Очень мило. Но в задаче пишут три колонки. Наблюдал. Предполагаю. Проверил. Видел, но не проверил — в третью колонку не идёт, даже если уверен. Особенно если уверен.

Она расчертила доску. Правая рука, та, что дрожала в перерыве, вела мел без единой дрожи.

— Наблюдал, — сказал Кай и записал в первую колонку:

«Окна 2 и 5 — ?». — Предполагаю. — Во вторую: «Общая цель». — Проверил...

— Пусто. Пока пусто. Видишь? Сразу честнее.

Мира вздохнула, глядя на доску.

— Очень красиво. Но давайте честно: в четверг Вейн увидит ответ на третьей секунде и полторы минуты будет сдерживаться, чтобы не сказать.

— Я не...

— Будешь, — сказала Агния. — У тебя лицо такое. Как у человека с отвёрткой в руке.

Мира захохотала и опрокинула стакан. Вивиана, ругаясь, полезла за салфетками. Агния подняла ноги на перекладину стула, чтобы кофе не затёк ей на ботинки, и, не прерываясь, рисовала на полях журнала лужу, принявшую форму окна. Кай сидел среди них с маркером в руке и боялся пошевелиться — так боялся спугнуть птицу, севшую на подоконник. Он был не у двери и не за жёлтой линией. Он был в комнате.

— Четверг, — сказала Вивиана, вытирая стол. — Восемь утра. Не опаздывать. Вейн, кофе с меня.

— А в следующий раз с меня.

Вивиана выпрямилась и посмотрела на него.

— Посмотрим. Сначала проверь механику так, чтобы мне не за что было тебя убить.

Часть вторая.

Возможный разговор

Глава 6. Шесть окон

В восемь утра четверга в комнате S1-2 было холодно, как в погребѣ, и пахло нагретой от ламп пылью.

Стенд занимал всю стену: шесть узких застеклѣнных про-резей, как щели почтовых ящиков, в каждой светящаяся шкала с цифрами и тонкой полоской указателя. Под ними пульт с шестью кнопками, по одной на канал, и седьмая — большая, красная, под прозрачным колпачком. Рядом стол: журнал, четыре карандаша и песочные часы на десять минут, неуместные здесь, как подкова на космическом корабле.

— Песочные — потому что электронный таймер вы будете гипнотизировать, — сказала Севр. — А песок течѣт сам.

Их было четверо: Кай, Вивиана, Мира, Агния. Ещѣ в комнате сидели Севр, техник у экрана и — неожиданно — Рей, пристроившийся в углу на табурете с видом человека, зашедшего погрѣться.

— Правила вы знаете. Повторю, потому что правила, которые все знают, нарушают первыми. За стеной пять малых целей, независимых друг от друга. Смотрят на них шесть ка-

налов. Ровно одна цель видна дважды. Каждый канал добавляет к показанию свой постоянный сдвиг нуля — какой, вы не знаете. Изменения сравнимы, абсолютные числа нет. Перекрёстных наводок между каналами нет — техник проверил утром: метка сама из канала в канал не переходит.

— То есть если в двух окнах одинаковые цифры, это ещё ничего не значит, — сказала Агния.

— Ничего. И если в двух окнах цифры одинаково меняются, это тоже ничего не значит, пока не доказано. — Севр кивнула на пульт. — У вас четыре контрольных импульса. Подаёт Ларен, через выбранный канал, на цель этого канала. Импульс даёт метку: два коротких скачка с паузой, ни с чем не спутаешь. Десять минут. В конце — схема: пять каналов, по одному на цель, и доказательство пары. Красная кнопка — остановка. Жмёт любой, кто считает, что надо остановиться. Объяснять не нужно.

— А если Вейн нажмёт, потому что ему станет скучно? — спросила Вивиана.

— Тогда вы проиграете. Но никто не пострадает. Вейн, механика.

Механику Кай проверил ещё в семь сорок: корпуса панелей, крепления, разъёмы, ход указателей на холостом прогоне. Всё было в порядке. Он так и сказал.

— Тогда переворачивайте часы.

Агния перевернула. Песок потёк.

* * *

Первый отсчёт пришёл через несколько секунд: шесть чисел вспыхнули в шести прорезях, как номера квартир.

— Двенадцать, — читала Агния, записывая. — Двадцать один. Восемь. Тридцать один. Сорок шесть. Семнадцать.

Ум Кая тут же взялся их складывать и вычитать, и он его одёрнул. Абсолютные числа ничего не значат. Ждать изменений.

— Пятнадцать. Двадцать. Двенадцать. Двадцать девять. Сорок пять. Девятнадцать.

Агния писала числа в колонку и тут же, не дожидаясь просьб, выводила рядом разницу — мелко, со знаком. Кай смотрел ей через плечо. Плюс три. Минус один. Плюс четыре. Минус два. Минус один. Плюс два.

Минус один во втором окне. Минус один в пятом.

У него напряглась спина. Двадцать один и сорок шесть. Двадцать и сорок пять. Разница двадцать пять, и там и там. Это могло быть совпадением: пять целей дрожат сами по себе, две вполне могли разом сдвинуться на единицу. Он сжал губы.

— Ты сейчас лопнешь, — сказала Мира, почти не разжимая губ.

— Ты же меня не слышишь.

— Не слышу. Но вижу. У тебя уши красные.

— Тринадцать. Двадцать четыре. Тринадцать. Двадцать восемь. Сорок девять. Шестнадцать.

Минус два. Плюс четыре. Плюс один. Минус один. Плюс

четыре. Минус три.

Второе — плюс четыре. Пятое — плюс четыре.

— Говори, — сказала Вивиана, не оборачиваясь от пульта.

— Два и пять. Разница двадцать пять во всех трёх отсчётах, изменения одинаковые. Больше такой пары нет.

— Наблюдал или проверил?

Он сглотнул.

— Наблюдал. Предполагаю общую цель.

Агния уже писала: в первой колонке «2 и 5: Δ одинаковы, разность 25 стабильна (3 отсчёта)», во второй «общая цель?». Третья оставалась пустой. Почерк у неё был мелкий, наклонный, очень ясный.

— Значит, импульс в два, — сказала Вивиана. — Вылезет метка в пятом — пара доказана. Мира?

— Все ровные. — Мира стояла, прикрыв глаза, и рядом с ней почему-то становилось спокойнее. — Агния чуть торопится. Ты нормально. Давай.

Вивиана занесла руку над второй кнопкой.

И в эту секунду Кай увидел, как в пятой прорези полоска указателя поползла вниз.

Едва заметно, сама по себе, без всякого импульса. Корпус, подумал он. Если корпус пятой панели чуть осел на шпильке, если его трясёт вентиляция — указатель будет врать, и метку в пятом они не разглядят или увидят там, где её нет. Он видел это так же ясно, как в первый день перекося под визиром. Поддержать корпус, пока идёт импульс. Одну секунду.

Он сделал два шага к стене и положил ладонь на корпус пятой панели — плашмя, легко, как кладут руку на капот, чтобы почувствовать мотор.

— Вейн, — сказала Вивиана.

Но она уже нажала.

Ничего не произошло. Ни во втором окне, ни в пятом, ни в каком другом. Счётчик на пульте сменил зелёную четвёрку на тройку — импульс ушёл и не пришёл никуда.

Песок тёк.

— Руки, — сказала Вивиана. Тихо и без злости.

Кай отнял ладонь. Корпус не шелохнулся. Указатель в пятой прорези стоял ровно.

— Он полз. Пятый. Я подумал — корпус сел, я хотел...

— Фон, — сказал техник, не поднимая головы. — Фоновое колебание цели. В пределах. Корпус стоит.

У Кая горело лицо. Обычный фон, о котором Севр говорила десять минут назад. «Договорились, Вейн?» — «Договорились».

— Три импульса, — ровно сказала Агния и записала: «Импульс 1 (канал 2): метки нет ни в одном окне. Участник сравнения касался корпуса панели 5». Почерк не дрогнул. — Минута сорок прошла.

— Я...

— Потом, — сказала Мира и, не глядя, взяла его за рукав и потянула назад, за линию, мягко, как оттаскивают человека от края платформы. — Потом скажешь. Сейчас стой тут.

Он встал и сунул руки в карманы, чтобы они никуда не пошли сами.

Вивиана смотрела — не на лицо, на руки в карманах. Секунду, две. Так смотрел Рей в мастерской, когда маятник увяз: коротко, внимательно, запоминая.

Потом повернулась к пульту.

— Ещё раз. Канал два.

Во второй прорези указатель дёрнулся вверх, опустился и через полсекунды скакнул снова. Два коротких, с паузой, как два удара по одному гвоздю.

И в пятой — то же самое. В ту же секунду.

— Пятое, — сказала Агния и подалась к стенду. — Есть. В пятом есть.

— Смотрите остальные. Все. Не только пятое.

Кай понял, что сам смотрел бы только на пятое — на то, что хотел увидеть. Первое окно — ровно. Третье — ровно. Четвёртое — колебание, но не двойной скачок. Шестое — ровно.

— Метка только во втором и пятом.

— Возвращаю цель, — сказала Вивиана.

Её правая рука лежала на краю пульта, и пальцы чуть подрагивали, волной, как в комнате отдыха. Указатель во второй прорези медленно опустился в рабочий диапазон и застыл.

— Вернула. Записывай.

Агния писала в третьей колонке: «Импульс 2 (канал 2):

метка в окнах 2 и 5, в остальных нет. Цель возвращена. Пара 2/5 — общая цель. ПРОВЕРЕНО».

Песка оставалось на донышке.

— Теперь схема. Пять каналов, по одному на цель.

— Убираем второй и пятый, — быстро сказала Мира. —

Они подозрительные. Оставляем остальные и...

— Тогда одна цель останется без окна, — сказала Агния.

— Их пять. Уберём оба — на одну никто не смотрит.

Мира замерла.

— А. Ну да. Одно убираем. Любое из двух?

— Любое, — сказал Кай из-за линии. Он не был уверен, что ему можно говорить, но никто его не остановил. — Они смотрят на одно и то же. Неважно, через какое смотреть. Один, два, три, четыре, шесть — или один, три, четыре, пять, шесть. Обе правильные.

— Оставим пятое, — сказала Агния. — Метка в нём была чётче. — Она записала: «Схема: 1, 3, 4, 5, 6. Допустима также 1, 2, 3, 4, 6». — Так?

— Так, — сказала Вивиана.

Упали последние песчинки.

* * *

Разбор занял двадцать минут, и Кай пережил его, как визит к зубному: всё время ждал, когда станет больно.

— Решение правильное, — сказала Севр, листая журнал.

— Обе схемы допустимы, и вы их обе записали, что приятно: обычно пишут одну и считают вторую ошибкой. Пара дока-

зана импульсом, все окна проверены. Использовано два импульса. Один потерян.

Она посмотрела на Кая поверх очков.

— Вейн. Зачем вы коснулись панели?

— Мне показалось, что указатель в пятом гуляет из-за корпуса. — Он заставил себя смотреть ей в глаза. — Решил, что механика врёт и метку будет не видно. Я ошибся, это был фон. И нарушил договорённость.

— Это ваша ошибка. Вы увидели изменение и сразу решили, что знаете его причину. Обсудим отдельно. — Она помолчала. — Но есть вторая часть. Импульс не просто ушёл не туда. Он не пришёл никуда. Даже во второй канал, через который подавался.

— Как в подушку, — тихо сказала Вивиана, ни к кому не обращаясь.

Севр кивнула технику.

— Контроль. Три пробы. Ларен, малый импульс, канал один. Вейн — сначала у стены, руки в карманах. Потом ладонь на корпус первой панели, как держали пятаку. Потом снова у стены.

Рей в углу перестал притворяться, что греется, и подался вперёд, упершись локтями в колени.

Первая проба: метка в первом окне, два чётких скачка.

Кай положил ладонь на корпус первой панели. Едва касаясь.

Вторая проба: ничего.

Он убрал руку. Третья: метка.

— Запишите как наблюдение, — сказала Севр. — «Срыв контрольного импульса при физическом контакте участника сравнения с корпусом панели; воспроизведено один раз; без контакта — норма». — Она сняла очки. — Это наблюдение, Вейн. Не вывод. Понятно?

— Понятно.

— Доцент Рей, вам будет что добавить к вашей гипотезе.

— Мне всегда есть что добавить к моей гипотезе, — сказал Рей. Но не улыбнулся. Он смотрел на Кая, как на чертёж, где наконец сошлись две линии, неделю не сходявшиеся.

Вивиана стояла у пульта, сжав правое запястье левой рукой, и тоже смотрела. Кай встретил её взгляд и не смог понять, что в нём — интерес, досада или расчёт.

* * *

К обеду результаты вывесили на доске в коридоре S1. Две группы нашли пару, но одна объявила её по совпадению изменений, без импульса, и Севр доказательство не засчитала. Ещё одна потратила три импульса, тыкая в окна наугад. Четвёртая выбросила оба окна пары, потеряла цель и записала в схему шесть каналов.

Их группа была первой: «Пара доказана, 2 импульса (1 потерян — см. наблюдение), обе схемы указаны». И четыре фамилии.

— Приоритетное окно, — сказала Севр, когда они собрались у доски. — Победившая группа выбирает один проект-

ный слот из ноябрьского набора. Обычно выбирает старший по допуску. Ларен?

Вивиана пробежала глазами лист со слотами в руке у Севр.

— Пятое ноября. Четверг. Длинное окно, с обеда до утра пятницы. Калибровка и длительное наблюдение малого контура.

— Это далеко.

— Я люблю планировать, — сказала Вивиана и улыбнулась.

Севр сделала пометку. Кай в слотах ничего не понимал и запомнил только улыбку — быструю и тёплую, как в первый день у двери, точно Вивиана сама её не ждала.

— Вейн, — сказала Севр, уходя. — Хорошее наблюдение по паре. Вы её первым назвали.

Внутри поднялось тепло — то самое, ради которого он перевёлся и ради которого продал отцовские анкерные вилки. Здесь, в Сером корпусе, назвали его фамилию и сказали «хорошее». Он стоял в этом тепле, и ему было стыдно, как он им наслаждается.

— Я не первый.

Севр обернулась.

— Пару было видно в журнале раньше, чем я сказал. Агния выписывала изменения рядом с отсчётами. Без этого я бы сидел и сравнивал абсолютные числа. Я только прочитал её колонку вслух. И Мира... следила за нами. Без неё я полез

бы к панели раньше. А доказала пару Вивиана. Я в это время стоял за линией.

Севр перевела взгляд на Агнию.

— Морозова?

— Изменения выписывала я. Пару увидел он.

— Прекрасно. Теперь у меня два человека, и каждый отдаёт находку другому. Это хуже, чем когда оба присваивают: непонятно, кому ставить. — Севр надела очки. — Запишу как групповое наблюдение. Свободны.

Когда она ушла, Вивиана хлопнула Кая по плечу — сильно, так что он пошатнулся.

— Благородно. Но в следующий раз держи руки при себе, а благородство в кармане. Мне было бы проще.

— Извини. За импульс.

— Знаешь, что смешно? — Вивиана наклонила голову. — Ты гасишь, Вейн. В курсе? Не «наверное», не «рукой демпфирую». Когда ты касаешься, мой толчок уходит как в вату. Я это чувствую. Как будто толкаешь дверь, а с той стороны кто-то держит.

— Севр сказала — наблюдение.

— Севр всегда так говорит, это её работа. А я тебе говорю как человек, который толкал. Интересно. Очень интересно. — Она снова улыбнулась, но иначе — коротко и без тепла, словно сделала пометку в уме. — Ладно. Кофе с тебя. Ты обещал.

Она ушла, и Мира побежала следом, оборачиваясь:

«Вейн, ты молодец, правда, только руки, руки!» — и смеялась на ходу.

Агния осталась у доски. Кай стоял рядом и не знал, уйти или нет.

— Спасибо, — сказала она, не поворачиваясь. — Что сказал про журнал.

— Это правда.

— Многие не говорят правду, когда их хвалят. Даже если правда. Хвалят — приятно.

— Мне было приятно, — признался Кай.

— Я видела. — Уголок её рта дрогнул. — У тебя опять было лицо, как с отвёрткой.

Из Серого корпуса они вышли вместе — не рядом, но и не врозь, на полшага друг от друга. Над двором стоял первый за неделю день без дождя, холодный, по-настоящему осенний, и небо было высокое и пустое, только что вымытое. У тамбура Агния подняла голову, как в тот первый день, — проверяла, не идёт ли дождь.

— В пятницу Мира играет в городе. В ансамбле. Маленький зал на Садовой. Если хочешь — приходи.

— Что принести?

Она посмотрела на него.

— Себя. И, может быть, не отвёртку.

Кай засмеялся. Агния кивнула, будто отметила что-то для себя, и пошла к библиотеке.

Ладонь, которой он касался корпуса пятой панели, ещё

помнила холод металла. Он сжал и разжал пальцы. Ни ваты, ни двери, ни того, кто держит её с той стороны.

Только металл.

Глава 7. Не только за работу

Зал на Садовой оказался бывшей аптекой: высокие потолки с лепниной, дубовые шкафы вдоль стен с пустыми стеклянными дверцами, за которыми когда-то стояли банки с латинскими надписями. Теперь в стёклах отражались двадцать стульев, пюпитры и пятеро со смычками. Пахло канифолью и сырым деревом.

Кай пришёл без отвёртки. Перед выходом он дважды проверил карманы и чувствовал себя без неё голым.

Агния сидела в третьем ряду у прохода. Рядом Вивиана — чёрное пальто, нога на ногу, вид человека, который пришёл на концерт друга и намерен честно страдать. Между ними пустой стул с сумкой. Когда Кай подошёл, Агния переложила сумку на пол.

— Свободно.

Второй раз, подумал он, садясь. Так недолго и правилом стать.

Мира играла вторую виолончель. Ансамбль был любительский, и это слышалось сразу: первая скрипка торопилась, альт сбивался, а в одном месте все пятеро разъехались так, что Вивиана фыркнула. Но Мира играла иначе. В музыке Кай не разбирался, зато слышал, что делают её руки, как слышал часовой механизм. Она держала темп, когда скрипка тянула вперёд, чуть опережала, когда альт отставал, а там,

где всё почти развалилось, вступила на долю такта раньше и подхватила остальных под локти. Ансамбль выровнялся. Кроме неё, этого, кажется, никто не заметил.

— Она всегда так, — шепнула Агния, когда он подался вперёд. — Держит всех. Себя не слышит, остальных слышит.

После концерта вчетвером шли по набережной к мосту. Мира с футляром за спиной говорила без умолку: про альтиста, который опять забыл повтор, про первую скрипку, которая влюблена в дирижёра и поэтому торопится. Вивиана держала её под руку и поддакивала с убийственной серьёзностью.

— Не слушай её, — сказала Мира Каю через плечо. — Она по утрам гребёт. В шесть утра, в октябре, по реке. У неё ключ от эллинга и плечи грузчика. Человеку, который добровольно гребёт в шесть утра, нельзя доверять оценку музыки.

— Можно, — сказала Вивиана. — Я слышу ритм. Это вы все гребёте вразнобой.

Агния шла чуть позади, рядом с Каем, и молчала. Молчание было хорошее, его не требовалось заполнять.

У пекарни на восточном подходе Вивиана остановилась. — Без пяти девять. Последний шанс. Вейн, твоя очередь. Кай пересчитал в кармане мелочь и купил четыре булки с корицей. Вивиана, принимая свою, задержала на нём оценивающий взгляд и промолчала. Она дала ему вернуть долг, и от этого стало легче, чем от самих булок.

— Куда теперь? — спросила Мира. — В общежитие не хочу. Там Тимур опять варит то, что потом придётся выкидывать.

— В мансарду, — сказала Вивиана.

— В мансарду после восьми нельзя.

— Нам нельзя. — Вивиана повернулась к Каю. — А у него допуск к часам. Правда, Вейн?

Правда. Две недели назад Тенн поставил его на еженедельную проверку башенного механизма — смазка, натяжение тросов, сверка хода, — и вместе с работой Кай получил ключ от технической лестницы. Мансарда примыкала к ней: каморка под самой крышей, рядом с огороженным механизмом, где по традиции сидели те, кто обслуживал часы. Пускать туда посторонних после восьми запрещалось.

— Это не совсем...

— Мы не посторонние. Мы твоя группа. И у нас булки.

* * *

В мансарде было тесно и тепло. Скошенный потолок, о который легко стукнуться макушкой, продавленный диван с клетчатым пледом, стол, исцарапанный поколениями чужих инициалов. Круглое окно-иллюминатор смотрело на двор и на восточный рукав реки, где по чёрной воде медленно ползли огни баржи. За тонкой перегородкой, за металлической сеткой, работал механизм: огромные колёса, тросы, гири и глубокий медленный ход, похожий на сердцебиение. Тик — тишина — так.

— Это невыносимо, — сказала Мира, садясь на диван. — Это лучшее, что я слышала за неделю.

Она достала виолончель. Кай смотрел, как она упирает шпиль в половицу, перехватывает смычок и, не дожидаясь просьб, начинает играть — не то, что на концерте, а медленное, низкое, без мелодии: долгие ноты в такт часам. Тик — нота. Так — нота. Механизм за сеткой шёл ей навстречу.

Агния села на подоконник с альбомом. Вивиана растянулась на полу, подложив под голову свёрнутое пальто, и закрыла глаза.

Кай сидел за исцарапанным столом и не знал, куда деть руки. Механизм он смазал во вторник. Тросы натянуты. Ход сверен. Проверить, поддержать или починить было нечего, и это было так непривычно, что он просто слушал, как Мира играет вместе с башней.

— Нарисуй меня, — сказала Мира, не отрываясь от смычка. — Как будто я умею играть.

— Ты умеешь играть.

— Тогда как будто умею хорошо.

На листе появлялась Мира — склонённая над грифом, волосы выбились, губы сжаты, — только почему-то без виолончели. Руки, держащие воздух, и смычок, проходящий сквозь пустоту.

— Где инструмент? — спросила Мира, когда Агния повернула лист.

— Ты его не замечаешь, когда играешь. Я тоже не стала.

Мира долго смотрела на рисунок. Потом отложила смычок, забрала лист и прижала к груди.

— Это моё. Даже не проси обратно.

— Это из серии, — сказала Агния. — «Руки». Мне его в декабре вешать.

— Она подала на «Наблюдение», — объявила Мира Каю с такой гордостью, будто подала сама. — Зимняя выставка в главном корпусе. Первый раз с весны.

— Я неставляюсь, — сказала Агния. — Я подала. Это разные вещи. Возьмут — тогдаставляюсь.

— Возьмут.

— Мира.

— Ладно-ладно. Но возьмут.

Агния улыбнулась. Потом, не переставая улыбаться, сфотографировала на телефон другой лист из альбома — быстрый набросок мансарды, круглое окно, огни баржи, — открыла сообщения и нажала на имя вверху списка. Кай сидел достаточно близко, чтобы увидеть это имя, хотя видеть не хотел. «Мама».

Палец замер над кнопкой и висел так, пока экран не погас сам. Агния положила телефон стеклом вниз на подоконник. Улыбка осталась — так остаётся свет в глазах, когда лампу уже выключили.

Никто ничего не сказал. Мира смотрела на свой рисунок. А Вивиана открыла глаза — лежала на полу и смотрела на Агнию снизу вверх с такой бережностью, что Кай отвёл гла-

за.

— Мира, — сказала Вивиана, садясь. — Сыграй то, позорное. С весеннего концерта.

— Ни за что.

— Сыграй. Агния любит, когда ты позоришься.

— Агния не любит, — сказала Агния своим обычным голосом. — Агния обожает.

Мира застонала и заиграла что-то бойкое и откровенно фальшивое, и через минуту смеялись все — громче всех Вивиана, запрокинув голову. Отсмеявшись, она потянулась за булкой, стакан с водой выскользнул у неё из пальцев и покапал по половицам. Тогда Кай и увидел, как дрожит её рука. Сильнее, чем в комнате отдыха. Сильнее, чем у стенда.

— Опять, — сказала Мира, опустив смычок.

— Не начинай.

— Я не начинаю, я просто...

— Мира. — Вивиана подняла стакан левой рукой. — Не начинай.

Мира замолчала. Кай промокнул лужу пледом — больше было нечем, — и Вивиана посмотрела на него с благодарностью, похожей на злость.

— Перепила кофе, — сказала она ему. Второй раз.

В половине одиннадцатого он поднялся: вставать в шесть.

— Иди, — сказала Вивиана с пола. — Мы через полчаса. Оставь ключ, я закрою и утром отдам Тенну. У меня в прошлом году был такой же, я знаю, где он висит.

Кай стоял с ключом на ладони. Ключ выдали ему, не ей. Правило было маленькое, совсем маленькое.

— Вейн, — сказала Вивиана, не открывая глаз. — Мы не украдём часы. Они тяжёлые.

Мира засмеялась. Он положил ключ на стол.

Спускаясь, он ещё долго слышал виолончель вперемешку с ходом часов, и уходить было жалко, как в детстве, когда тебя отправляют спать, а взрослые остаются на кухне. О чём они говорили потом, он не знал.

Утром ключ висел на гвозде у Тенна. Тенн ничего не ска- зал.

* * *

День открытых мастерских пришёлся на субботу, семна- дцатое, когда остров впускал город.

С утра по главному мосту шли семьи и выпускники, прие- хавшие посмотреть, что стало с их лабораториями. В столо- вой продавали пироги, во дворе стояли столы с плакатами: «Почему мост не падает», «Соберите часы за двадцать ми- нут». Серый корпус был закрыт. На тамбуре табличка: «За- крытые проекты. Экскурсии не проводятся». Гости обходи- ли его, как обходят чужой двор, и оглядывались.

Кай стоял за столом в мастерской и показывал детям ви- зир. Это придумал Тенн: «Покажи им шарик. Детям нравят- ся шарики». Дети смотрели в окуляр, кто-нибудь из взрос- лых непременно спрашивал, нельзя ли этим прибором загля- нуть на соседский балкон, Кай объяснял, что можно, но ни-

чего интересного там не увидишь, — и всё было так просто, что он почти забыл ждать отца.

Отец пришёл в одиннадцать — как и обещал по телефону. В своём единственном пиджаке, который надевал на свадьбы и похороны, с отмытыми до красноты руками.

Он постоял у стола. Посмотрел в окуляр. На основание. Наклонился ниже.

— Шарик.

— Шарик.

— Из моей коробки?

— Из твоей. Ещё с весны. Я его тогда... — Кай запнулся.

— Тоже взял. Один. Забыл тебе сказать.

Отец выпрямился, посмотрел на него, потом снова на шарик.

— На хорошее место поставил, — сказал он. И больше ничего.

Тенн подошёл, вытирая руки, и они с отцом обменялись рукопожатием мастеров: коротким, сухим, глядя не в лицо, а на руки. Через пять минут они уже спорили, чем лучше чистить латунь, солью или пастой, и Кай стоял между ними лишним и был этим неожиданно доволен.

Потом по мастерской прошёл ректор.

Кай узнал его не сразу: на портрете в главном корпусе Август Корвус был моложе и строже. Здесь — пожилой человек в сером костюме, сухой, прямой, с тростью, на которую опирался скорее по привычке. С ним двое гостей в дорогих паль-

то и женщина из учебной части. Он шёл медленно, у каждого стола задавал один короткий вопрос и выслушивал ответ до конца.

У визира он остановился.

— Тот самый. Который уходил по четвертям.

— Да, — сказал Кай. Во рту пересохло.

— Я читал журнал. — Корвус чуть наклонил голову. — «Повторная проверка при открытой форточке, плюс шесть по наружному термометру». — Он произнёс это, как хорошие стихи. — Эта строчка понравилась мне больше самого ремонта. Ремонт сделал бы любой, кто догадался. А такую строчку пишет человек, который не верит собственной удаче.

Кай не знал, что ответить. Лицо горело. Отец рядом стоял очень прямо.

— Вы отец? — Корвус протянул руку. — Август Корвус.

— Эмиль Вейн. — Отец пожал коротко, глядя, по привычке, на руку, а не в лицо.

— Вы вырастили хорошего мастера, господин Вейн. Это редкость. Мне таких не хватает.

Он повернулся к Тенну.

— Оскар. Ваше замечание о старых кассетах мы учли. Записали как пожелание к плановой замене.

— Это было не пожелание, — сказал Тенн. — Это был запрет на работу с изношенными.

— Мы нашли формулировку, которая устроит всех, —

мягко сказал Корвус, кивнул и пошёл дальше, к второкурсникам с самодельным сейсмографом. Гости потянулись за ним.

— Всех, кроме кассет, — сказал Тенн ему в спину, негромко, и ушёл к своему верстаку.

Отец долго молчал, глядя вслед ректору.

— Вежливый, — сказал он наконец.

— Он со всеми так, — сказал Кай, хотя не знал этого.

— Нет. Не со всеми. Я видел, у какого стола он не остановился. — Отец помолчал. — Ты смотри, Кай. Когда такие люди говорят «мне не хватает», они потом приходят за этим.

Кай засмеялся, отец — нет. Потом всё-таки улыбнулся краем рта, неохотно. Он гордился — в единственном пиджаке, посреди чужой мастерской — и прятал это так же плохо, как прятал бы сам Кай.

Ближе к обеду у соседнего стола он увидел Вивиану. Она показывала гостям маятник Фуко в стеклянной трубе — обычная физика, никаких закрытых эффектов, — объясняла ясно и весело, и вокруг неё стояла толпа. Указка у неё в руке дрогнула и стукнула по стеклу. Вивиана перехватила её левой и продолжила, не сбившись ни на слово.

Отец смотрел туда же.

— У той девушки руки устают, — сказал он вполголоса. — Как у старых мастеров. Я такое видел у Гольдмана с нижней террасы, когда ему было за шестьдесят. Тонкая работа, много лет — и руки начинают дрожать. Ей бы беречь.

— Ей двадцать один.

— Тогда тем более беречь.

Мимо прошла Мира, помахала, остановилась на секунду.

— Агнию видела? — спросил Кай.

— Её сегодня не будет. — На мгновение лицо у Миры стало другим, без улыбки, усталым. — У неё в четверг был... трудный день. Опять. Она у тёти.

«Опять». Кай вспомнил коридор Серого корпуса первого октября, красные глаза, стакан воды, из которого она так и не отпила. Спрашивать, что значит «трудный», он не стал. Это было на втором этаже.

* * *

Во вторник, двадцатого, он подвёл Адама.

Буднично, без всякого умысла. Адам неделю готовил защиту курсового — автополив для своего кактуса, с датчиком влажности и клапаном. Над проектом смеялись все, включая Адама, но он был сложный и честный, и клапан залипал. Кай обещал в воскресенье: «Во вторник в шесть приду на защиту, заест клапан — подержу, переберу на месте». Адам повесил на доску карточку: «ВТ 18:00 — Кай — клапан!!!»

Во вторник в половине пятого Рей попросил Кая задержаться в Сером после смены: ещё одно сравнение, три серии на маятнике с Глебом, разные положения руки. Не обязательно. «Если вы свободны».

Кай был свободен — так он думал. Карточку на доске он забыл: в голове был маятник, который вязнет, когда его ка-

саешься, и Рей, который после каждой серии подолгу не отрывался от графика.

Сравнение кончилось в двадцать минут восьмого. Во дворе Кай глянул в телефон: три сообщения от Адама. 17:52 — «Ты где?». 18:10 — «Клапан заел». 18:41 — «Ладно».

Адам сидел на кровати с ноутбуком и не поднял головы.

— Я забыл, — сказал Кай с порога.

— Я понял.

— Там была... — Он чуть не сказал «важная задача». Объяснить он ничего не мог: три подписанные бумаги. А «важная задача» значило бы, что клапан Адама неважный.

— Что там было?

— Мне стало интересно другое, и я забыл. Вот что. Извини.

Адам наконец посмотрел на него.

— Защиту перенесли на четверг. Клапан заел на второй минуте. Я стоял как дурак и тыкал в него карандашом, а Хольм смотрел с таким сочувствием, будто у меня собака умерла. Я не прошу тебя быть моим механиком. Я вообще-то и сам умею. Я просил тебя прийти в шесть. Это разные вещи.

— Знаю.

— Ты жить сюда пришёл или только вещи хранить? — Без злости, почти устало. — Ты всё время где-то там. На смене, в мастерских, в своём Сером корпусе, куда тебя водят за ручку. А здесь ты спишь. И чинишь лампу, которую тебя просили не чинить.

Кай посмотрел на лампу. Лампа мигнула, подтверждая.

— Я её не чинил.

— Ещё бы ты её починил.

Помолчали.

— В четверг приду. В шесть. Хочешь — до этого помогу с клапаном. Но говоришь ты. Что делать и как. Это твой проект. Я подаю.

Адам смотрел на него, прикидывая, стоит ли этот человек ещё одной карточки на доске.

— Ладно. Но говорю я.

— Говоришь ты.

— И подаёшь молча.

— Молча.

— Это будет самое трудное в твоей жизни, — сказал Адам и впервые за вечер улыбнулся.

Он снял с доски карточку «ВТ 18:00 — Кай — клапан!!!», перевесил на четверг и, подумав, пририсовал маркером четвёртый восклицательный знак.

В среду вечером, за остывшими макаронами в столовой, пришло сообщение от Севр. Состав на «Чужой зачёт»: завтра, двадцать второе, восемь утра. Вейн, Ларен, Линт, Орт.

Агнии в списке не было.

— У неё на этой неделе своя программа, — сказала Мира, когда он после ужина нашёл её у почтовых ящиков. — Не обижайся. Это не из-за тебя.

— Я не обижаюсь.

— Обижаешься. Это даже я слышу. — Она осеклась. — То есть нет. Не слышу. Ты всё равно за стеклом. Догадалась.

— Кто такая Орт?

— Селеста. Ну, в зелёном шарфе. Которая ходит сквозь воздух и ругает ботинки. — Мира вздохнула. — С ней будет трудно. Она ничего не принимает на веру. Даже если ей сказать, что сегодня вторник.

— Сегодня среда.

— Вот видишь. Она бы проверила.

Глава 8. Чужой зачёт

Жетонов было шесть. Латунные шайбы, тяжёлые, одинаковые, на каждой выбита крошечная «Т» — Тархен. Они лежали посреди круглого стола в семинарской на первом этаже Серого корпуса, рядом — четыре запечатанных конверта и лист с заголовком «Распределение».

— В осенней программе три игры, — сказала Севр. — «Шесть окон» вы прошли. «Последний приёмник» будет в декабре, если сдадите эту. Эта — самая простая из трёх. И самая неприятная. Шесть жетонов, четыре участника. Жетоны неделимы. В конце у каждого минимум один. В конвертах ваши личные условия. Выполненное условие приносит группе очки. Каждое очко — час консультации на установке по вашему выбору в ноябре. Бонус делится между вами отдельным соглашением, открыто.

Час на установке. Кай уже знал, сколько это стоит. В коридоре второго этажа висел график ноябрьских слотов, и вчера Глеб, проходя мимо, сказал вполголоса: «Видишь пустые клетки? Их не будет к пятнице». Тех, кто не сдал осеннюю программу, на ноябрьский график не ставили вовсе. Об этом нигде не было написано. Это просто все знали.

— Можно показывать карточки? — спросила Селеста. Она сидела, откинувшись на спинку стула, скрестив руки, в том же зелёном шарфе.

— Можно. Читать вслух, показывать, пересказывать. Можно врать о своём желании. Нельзя подменять текст карточки. Всё, что вы пообещали и записали, проверяется. Двенадцать минут, два проекта распределения. Первый можно отменить, второй окончательный. Каждый из вас говорит «да» вслух. Если хоть один не сказал — результата нет.

— А если все желания выполнить нельзя? — спросила Мира.

— Нельзя. Говорю сразу, чтобы потом никто не искал чудесного выхода. Вы будете решать, кто от чего откажется. Это и есть задание. Время пошло.

Она перевернула песочные часы. В этом институте очень любили песок.

* * *

На карточке Кая было: «АРХИВ. Условие: у вас не менее трёх жетонов. Если выполнено — 4 очка группе».

Остальные читали свои. Мира шевелила губами. Селеста прочла один раз, быстро, и сложила карточку пополам. Виана читала медленно, а потом положила карточку лицом вниз и прижала ладонью.

Три из шести. Четверо игроков, минимум по одному — значит, свободных жетонов два. Чтобы у него было три, нужны оба, и тогда остальным ровно по одному. Голова заработала сама, без спроса, с тем лёгким радостным напряжением, какое он знал по верстаку. Если у кого-то ещё условие на троих — оно несовместимо с его. Если у кого-то на двоих —

оно съест один свободный жетон, и его условие умрёт.

— Давайте я начну, — сказала Вивиана спокойно и поделовому. — Предлагаю простое. Я беру три, остальные по одному. Четыре очка, никто не рискует, никто не ссорится. Двенадцать минут можно потратить на кофе.

— У тебя «три жетона»? — спросила Селеста.

— Предположим.

— Предположим. А что у остальных, ты не спросила.

— Я предложила надёжный вариант.

— Ты предложила вариант, в котором выполняется твоё.

— Селеста сказала это без враждебности, как сообщают погоду. — Это не одно и то же.

Вивиана рассмеялась и подняла ладонь с карточки.

— Справедливо. Давайте честно. Кто первый?

— Я, — сказал Кай и положил свою карточку в центр, к жетонам. Без информации задача не решалась.

Секунду все смотрели на «Архив». Потом Вивиана перевернула свою.

«ОПЕРАТОР. Условие: у вас не менее трёх жетонов. 4 очка».

— Одинаковые, — сказал Кай. — Вместе не выполнятся. Три плюс три — шесть, и ещё два нужно остальным. Восемь. А есть шесть.

Мира перевернула: «СВЯЗЬ. Условие: у вас не менее двух жетонов, и у Оператора — хотя бы один. 3 очка».

Селеста посмотрела на три карточки, потом на свою и не

торопясь положила её рядом. «НАБЛЮДЕНИЕ. Условие: у вас не менее двух жетонов, и у Архива — хотя бы один. 3 очка».

Решение Кай увидел раньше, чем Селеста убрала руку.

Всем по одному — четыре жетона, два свободных. Отдать оба ему — четыре очка, и всё: Мире и Селесте не хватит. Оба Вивиане — то же самое. А если один Мире и один Селесте: у Миры два, у Вивианы один — условие Миры выполнено. У Селесты два, у него один — выполнено условие Селесты. Три плюс три. Он проверил, можно ли выполнить троих. Нельзя: его условие или условие Вивианы съедает оба свободных. Значит, шесть, и это потолок.

— Шесть, — сказал он. — Максимум. Мне один, Вивиане один, Мире два, Селесте два. Наши с Вивианой не выполняются, ваши — оба. Больше не получится.

Он уже отсчитывал.

— Подожди, — сказала Мира. — У меня...

— Секунду. — Два жетона к Мире, два к Селесте, один к Вивиане, один себе. Латунь звякнула о дерево. Три минуты из двенадцати. — Все согласны?

Он потянулся к листу, чтобы записать.

Никто не ответил.

Мира смотрела на два жетона перед собой так, будто их ей подбросили. Вивиана — с интересом, чуть подняв бровь. Селеста на жетоны не смотрела вовсе. Она смотрела на него.

— Стоп. — На полях её карточки стояли карандашные

палочки, шесть штук. — Максимум ты нашёл, я тоже. Теперь скажи, на что именно я соглашаюсь.

— На два жетона. И три очка для группы.

— Я согласилась на то, что твоя карточка и карточка Вивианы не выполняются. Это, допустим, ваше дело, раз ты сам отказался. Но есть бонус. Шесть часов. Как он делится?

— Бонус потом.

— Нет, сейчас. От бонуса зависит, хорошая это сделка или нет. Может, ты решил, что поровну, по полтора часа. Может, решил, что раз вы с Вивианой отказались от своих четырёх очков, вам положено больше. А может, ты такой бескорыстный, что отдашь свои часы нам, — и тогда я тебе буду должна, а я не люблю быть должна. Ты ничего из этого не сказал. Ты просто подвинул ко мне жетоны.

— Это максимум. — Уши у него начали гореть. — Математически. Больше шести нельзя. Ты же видишь.

— Вижу. И я, может быть, подпишу ровно это. Но я не подпишу то, чего не знаю.

— Восемь минут осталось.

— Значит, у тебя восемь минут, чтобы спросить.

Кай повернулся к Вивиане за поддержкой. Та разглядывала его, как интересный прибор, который ведёт себя не по паспорту.

— Максимум — это не договор, Вейн, — мягко сказала она.

— Но это правильный ответ!

— Правильный ответ задачи. А договор — когда каждый успел сказать, что ему нужно. Мира начала. Ты сказал «се-кунду».

Мира наконец подняла глаза.

— Я хотела про часы, — тихо сказала она. — У меня в декабре зачёт на эмпатическом стенде, мне нужны часы. Я начала, а ты уже двигал.

Кай открыл рот и закрыл. Он видел так же ясно, как пере-кос под визиром, что они правы, и злился от этого ещё больше, потому что прав был и он. Он сидел с ручкой над листом и чувствовал себя тем человеком на кухне, который сказал про пиццу.

— Записывайте первый проект, — ровно сказала Севр от стены. — Если хотите.

Кай записал: «1 — 1 — 2 — 2».

— Принимаете?

— Да, — сказала Вивиана.

— Да, — неуверенно сказала Мира.

— Нет, — сказала Селеста. — Раздела бонуса нет.

— Первый проект не принят. У вас остаётся один. Шесть минут.

* * *

Кай положил ручку. Ладони горели, и очень хотелось что-нибудь починить, хоть ножку стула, лишь бы не сидеть за столом, где правильный ответ не работал.

Вивиана откинулась на спинку и сложила пальцы доми-

ком. Правая рука не дрожала.

— Ладно. По-человечески. Вейн прав в главном: шесть — максимум, и он будет, если договоримся. Селеста права в другом: мы не договорились. Мире и Селесте по два жетона, ваши условия выполняются. Нам с Вейном по одному, мы отказываемся от своих четырёх очков. Отказ чего-то стоит. Поэтому бонус так: Вейну два часа, мне два, Мире час, Селесте час.

— Почему вам больше? — спросила Мира. — Мне часа на зачёт не хватит.

— Потому что мы отказались, а вы получили своё условие.

— Своё условие я получила, потому что ваши были невыполнимы одновременно. Это не подарок, это арифметика.

— Арифметика, которой у тебя не было бы, если бы я настояла на своих трёх, — спокойно сказала Вивиана. — Я могла. Четыре очка — тоже результат. Тогда у тебя был бы один жетон, ноль выполненных условий и четыре часа на всех. Я отказываюсь, чтобы у тебя было два.

Кай слушал и неохотно восхищался. Она не давила. Она называла цену каждого варианта, свою и чужую, и давала её разглядеть.

— А если мне не нужны часы? — сказал он. — Отдайте Мире.

— Нет, — сказала Селеста.

Все посмотрели на неё.

— Не надо этого. «Мне не нужно, отдайте ей» — это опять за неё. Пусть она сама скажет, сколько ей надо. Возьми свои два часа. Ты отказался от четырёх очков, это стоит двух. Не нужны — потом подаришь, отдельно. А в сделке пусть будет честно.

Щёки снова загорелись, и на этот раз не от злости.

— Мира? — спросила Вивиана. — Час тебя устроит? Или так: мне полтора, тебе полтора.

— Жетоны неделимы. Часы, надеюсь, делимы.

— Делимы, — подтвердила Севр.

— Тогда так, — сказала Мира. — Мне полтора, этого хватит на зачёт. Вейну два. Вивиане полтора. Селесте час. Потому что Селеста пришла и всех застроила, и это было полезно, но ей и так хорошо.

Селеста неожиданно рассмеялась — коротко, будто кашлянула.

— Справедливо. Мне час.

— Две минуты.

Селеста сама взяла лист и крупными чёткими буквами написала: «Распределение жетонов: Архив — 1, Оператор — 1, Связь — 2, Наблюдение — 2. Бонус: Вейн — 2 ч, Ларен — 1,5 ч, Линт — 1,5 ч, Орт — 1 ч». Перечитала вслух и посмотрела на каждого по очереди.

— Вейн?

Кай посмотрел на свою фамилию и на «2 ч». Он хотел сказать, что всё равно отдаст свои часы Мире, что они ему не

нужны, — и услышал, как это прозвучит после слов Селесты.

— Да.

— Ларен?

— Да.

— Линт?

— Да.

— Я — да. — Селеста подвинула лист Севр.

Последняя песчинка упала через сорок секунд.

* * *

— Шесть очков, — сказала Севр, просматривая лист. — Максимум. Принято всеми со второго проекта, раздел бонуса указан. Из пяти групп максимум нашли три. Две — со второго проекта. Одна группа не договорилась вовсе. — Она не сказала, что с ней будет, и никто не спросил.

Она отложила лист.

— Отдельно. Зачёт не равен очкам вашей карточки: у Вейна и Ларен условия не выполнены, на зачёт это не влияет. Влияет то, как вы поняли задачу и как вели договор. Вейн. Вы нашли максимум первым и быстрее всех. Это я запишу. И запишу, что первый проект вы составили без согласия участников, а жетоны передвигали сами. Это тоже часть того, что вы сделали.

— Я понимаю.

— Не уверена. Но это не беда. Время есть.

В коридоре Селеста догнала его у окна, на ходу наматывая шарф. Тяжёлые ботинки стучали по линолеуму.

— Не дуйся.

— Я не дуюсь.

— Дуешься. Ты хороший. Ты быстро видишь. Я бы увидела тот же максимум на десять секунд позже, потому что сначала дочитала бы условия до конца. Там, между прочим, было про бонус. Но ты считаешь за других, а потом удивляешься, что они не говорят «спасибо».

— Я отдал свои очки. — Он слышал, как это звучит, и всё равно сказал.

— Отдал. И поэтому решил, что можешь распоряжаться нашими. Так не работает. Если ты от чего-то отказываешься, это твоё решение. Оно не даёт тебе права на моё.

Она была ниже на полголовы, но, глядя на него снизу вверх, ниже не казалась.

— Я тебя не ругаю. Правда. Мне плевать, кто сколько получил часов. Мне не плевать, когда меня ставят перед фактом. Дома, здесь, — она неопределённо махнула рукой, — везде все уже посчитали, как для меня будет лучше. — Она дёрнула конец шарфа. — Ты, между прочим, единственный сразу показал карточку. С тобой можно работать. Только дослушивай.

Она ушла, доматывая шарф.

Мира догнала его у тамбура, руки в карманах, глаза под ноги.

— Ты не сердись. Что я при всех.

— Я не сержусь.

— Я тебя не слышу, но догадываюсь. Глупо, наверное. Я ведь просто хотела про часы. А ты уже двигал. Как будто меня там не было.

— Ты там была.

— Я знаю. — Мира подняла глаза. — Поэтому и неприятно.

Вивиана вышла последней, задержавшись у Севр. Проходя мимо, она застегнула пальто и легонько стукнула Кая пальцем по лбу.

— Ты же обещал Агнии спрашивать. С карандашом.

— Откуда ты...

— Мы всё друг другу рассказываем. Привыкай, Вейн. У нас нет секретов. — Она улыбнулась. — Почти.

Они с Мирой вышли в тамбур. Кай смотрел в окно, как две фигуры, высокая в чёрном и пониже с рыжими волосами, пересекают двор под одним зонтом, хотя дождь едва моросил.

Он сунул руку в карман и нащупал латунный жетон с буквой «Т». Когда он его взял, Кай не помнил. Наверное, когда вставал, — машинально, как берут со стола свою деталь. Его жетон, единственный, по договору.

Он вернулся в семинарскую и положил жетон перед Севр. — Забыл. Это ваш.

Севр посмотрела на жетон, потом на него.

— Это был ваш. По договору. Но спасибо, что принесли.

* * *

Без двадцати шесть Кай был у Адама, как обещал. Клапан перебирали вдвоём на подоконнике учебной лаборатории. Адам говорил, Кай подавал. Дважды он видел, как быстрее. Первый раз промолчал. Второй раз сказал.

— Знаю, — ответил Адам, не поднимая головы. — Но я хочу так. Это мой клапан.

Сделали по-Адамову. Вышло не хуже.

На защите клапан не заел ни разу. Хольм поставил «отлично» и сказал, что кактусу повезло больше, чем большинству студентов. Вечером Адам снял с доски карточку с четырьмя восклицательными знаками, подержал и не выбросил: сунул в ящик стола, к квитанциям за общежитие.

Глава 9. Разговор, который он прервал

Он готовил эту фразу три дня, и она всё равно вышла не такой.

— Тогда, в сентябре, ты хотела, чтобы я посмотрел одну вещь.

Была пятница, двадцать третье октября, половина третьего. Читальный зал на втором этаже стоял полупустой — у старших курсов шла контрольная, — и за последним столом у бокового окна, там же, где месяц назад, сидела Агния. Сумки на соседнем стуле не было. Кай принёс из пекарни у восточного моста две булки с корицей в бумажном пакете, уже промокшем жиром с одного угла, и положил пакет на стол между ними, как кладут залог.

Агния посмотрела на пакет, потом на него.

— Хотела.

— Я тогда ушёл.

— Я помню.

— Я подумал... — Он сел: стоять над человеком и объясняться было ещё глупее. — Я подумал, что ты меня жалеешь. Что предлагаешь поговорить с Реем, потому что у меня в бумагах «участник», а у тебя нет. Как предлагают заплатить за пиццу.

И сразу пожалел про пиццу. Агния была на той кухне и

слышала, что он сказал Тимуру.

Она не улыбнулась и не нахмурилась. Взяла из пакета булку, отломил кусок и прожевала — медленно, как будто ей нужно было время, а булка давала его законно.

— Я тебя не жалела. Я тебя хотела нанять.

— Нанять?

— Денег у меня нет, так что попросить. Почти то же самое, только дешевле. — Она вытерла пальцы салфеткой. — А ты решил, что я раздаю милостыню. Мне было обидно. Не сильно. Как когда дверь закрывают перед носом, а потом оказывается, что это сквозняк.

— Это был не сквозняк.

— Я знаю. Поэтому и обидно.

Он ждал, что сейчас она скажет: ладно, проехали, вот что я хотела показать. Даже глянул на пол у её стула, где тогда стояла сумка. Пусто. Агния проследила за его взглядом.

— Сейчас не принесла.

— А в следующий раз?

— Не знаю. Ты не обижайся, это не наказание. Тогда я собралась попросить, и это было трудно, а ты встал и ушёл. Я решила, что это ответ. Теперь ты говоришь, что это была ошибка. Хорошо, я тебе верю. Но заново собраться — не то же самое, что продолжить. Может, соберусь. Только не сегодня. Ладно?

— Ладно.

Слишком быстро, и она это услышала: чуть заметно

усмехнулась.

— Ты сейчас хочешь сказать «но».

— Не хочу.

— Хочешь. У тебя руки так лежат.

Руки лежали на столе ладонями вниз, растопыренные, как будто держали плиту, которая вот-вот поедет.

— Ладно. — Он убрал их на колени. — Хочу. Но не скажу.

Агния хмыкнула и отломила ещё кусок.

* * *

Она открыла альбом, и из-под обложки выскользнул сложенный лист на бланке учебной части. Кай поймал его у края стола и, отдавая, успел прочесть больше, чем хотел: «Фонд научного архива... рабочие экземпляры Д. А. Морозова... с описью... в срок до...»

Агния сложила лист ещё раз, вчетверо, и сунула в задний карман альбома.

— Хотят папины оттиски, — сказала она ровно. — В фонд. Под стекло, с инвентарными номерами, «научное наследие». Я сказала нет.

— Почему?

— Там его почерк на полях. Он с собой спорил, ругался, рисовал стрелки. Это не наследие. Это почерк. — Она провела ногтем по корешку альбома. — Программа считает, что мне так будет легче. Программа вообще много чего за меня считает.

Он хотел спросить, почему отец не решит сам. И не спро-

сил: лицо у неё стало как у Миры у почтовых ящиков. Второй этаж.

Она взяла карандаш и стала рисовать Хольма.

Сначала на листе был просто человек в пиджаке у доски, и с ним было что-то не так. Кай смотрел, как смотрят на знакомый механизм, в котором не хватает винта, а какого — не видно.

— У него семь карманов.

— Семь, — подтвердила Агния, не поднимая головы.

— У Хольма пять. Два нагрудных, два боковых, один...

Нет. Четыре.

— Семь. Два внутренних. Я видела, как он достал из левого внутреннего гироскоп. Целый гироскоп, Кай. Что у него в правом, я не знаю. Седьмой я нарисовала, потому что он, по-моему, есть, просто Хольм его никому не показывает.

— Это неправильный рисунок.

— Это правильный рисунок неправильного человека. —

Она подписала внизу мелко: «Проф. Хольм в естественной среде». — Мне за протокол по его практикуму поставили «удовлетворительно». Знаешь за что? Я нарисовала схему опыта вместо таблицы. Схема была лучше. По ней было видно, где ошибка. А в таблице ошибку видно, только если её уже знаешь.

— Он прав. В протоколе должна быть таблица.

Агния подняла голову.

— Ты сейчас серьёзно?

— В таблицу можно вписать то, чего не ждёшь. А в схему ты рисуешь то, что уже поняла.

Она открыла рот, закрыла. Потом на полях, рядом с Хольмом, быстро нарисовала маленького человека с отвёрткой вместо руки, который указывал на таблицу.

— Это ты. Ты на его стороне.

— Я на стороне таблицы.

— Это одно и то же.

Он засмеялся — коротко, неожиданно для себя, и библиотечарша у входа подняла голову. Агния тоже улыбалась, прикусив губу, и, когда она улыбалась, у неё чуть косил левый глаз — совсем немного, заметно, только если сидишь близко. Он сидел близко. Он отодвинулся на сантиметр.

— Сиди. Не шевелись.

— Зачем?

— Ты единственный в этом зале, кто умеет не шевелиться. Мне нужны руки в покое. Положи обратно на стол. Нормально. Не как плитку.

Он положил. Она перевернула лист и стала рисовать, поглядывая на его руки короткими взглядами, как сверяются с прибором, и Кай сидел неподвижно, и было ему сразу очень глупо и очень хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.